

ПОСТУЧИ В МОЮ ДВЕРЬ

· ШЕПОТ ДЕМОНА ·

— ✕ —
МАША
МОРАН

18+

— ✕ —
ЖЕЛАНИЯ ИМЕЮТ ЦЕНУ
ПРОРОЧЕСТВО БУДЕТ ИСПОЛНЕНО

Маша Моран
Постучи в мою
дверь. Шепот демона
Серия «Постучи в мою дверь», книга 2
Серия «Темные миры Маши Моран»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67781676
Постучи в мою дверь. Шепот демона: АСТ; Москва; 2022
ISBN 978-5-17-147995-4

Аннотация

Иногда желания имеют силу. Но мечтать нужно осторожно – кто знает, как повернется жизнь. Олеся пожелала, чтобы любовь постучала в дверь. Мир услышал ее просьбу, и... она умерла.

Крампус уже близко. Его шепот пробирается в кровь, затрагивая душу, вонзаясь в кости, выворачивая наизнанку. Он идет за Олесей, ведь та предначертана ему и обязана последовать за ним в преисподнюю, испив демоническую кровь. Ее крики, боль и ужас лишь веселят его, всемогущего и бессмертного.

И лишь один мужчина может рискнуть вырвать Олеся из его окровавленных лап.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	30
Глава 3	68
Глава 4	100
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Маша Моран

Постучи в мою дверь. Шепот демона

© М. Моран, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Глава 1

Олеся проснулась от неторопливых колючих поцелуев и вкусного шоколадного дыхания.

С трудом разлепив веки, она встретилась со взглядом Габора. Он улыбался, но глаза внимательно следили за ней.

Охрипшим ото сна голосом Олеся ласково прошептала:
– С добрым утром.

Он не улыбнулся. Продолжал пристально на нее смотреть, вычерчивая на обнаженных плечах узоры.

Олеся встревожилась:

– Габор... Все в порядке? Что-то случилось?
– Ты не жалеешь о вчерашнем?

От его вопроса по коже прошел озноб. Неужели он считает ночь ошибкой? Действие масел закончилось, и теперь она не кажется ему привлекательной и не вызывает желания?

К глазам подступили слезы. Утро было таким прекрасным и нежным. Тело ощущалось и уставшим, и отдохнувшим. В натруженных мышцах чувствовалась боль, смешавшаяся с блаженством.

Такой контраст расслабленной усталости и льда на душе оказался самым страшным и мучительным, что она испытывала.

Прекрасная сказка закончилась. Он все-таки причинил ей боль. Поигрался с сердцем и выбросил.

– О-ле-ся... – Габор буквально прорычал ее имя, тряхнул за плечи, заставляя смотреть в глаза. – Если ты думала, что мы играем, то я не шутил. Ты моя. Я не отпущу тебя ни в твой глупый мир, ни куда-то еще. Ты навсегда принадлежишь мне. Либо по-хорошему, либо по-плохому. Зависит от тебя.

Господи, кажется, он не собирается от нее отказываться. И воспринимает вчерашнюю ночь всерьез.

Олеся не знала, сколько еще так выдержит. С Габором ее эмоции швыряло туда-сюда, как детские качели.

В спальне было сумрачно, но сквозь щель между тяжелыми портьерами пробивалась полоска холодного утреннего света. В этом сумраке на лицо Габора падали тени, и он казался еще более суровым, чем обычно.

Олеся прижала ладони к его груди, наслаждаясь ощущением мягкой поросли волос.

Наверное, она злоупотребила с маслами, потому что вновь ощущала себя распушенной и развратной, готовой на все.

– А что будет, если я захочу по-плохому?

Габор шумно выдохнул и тряхнул головой:

– Не шути так.

– Я не шучу.

Он откинулся на подушки и притянул Олеся, усаживая спиной к себе. Между лопаток чувствовалось его горячее дыхание. А в ягодицы упирался твердый член.

– Ты смотрела так, словно до слез жалеешь о вчерашнем.

– Я не жалею о вчерашнем. Ни о чем. Но ты зачем-то спросил у меня об этом, и я подумала...

Он зажал ей рот ладонью. Просто бесцеремонно прижал руку к губам и прикусил кожу на шее. Олеся задрожала, и выдохнула в его мозолистую ладонь.

Рука скользнула ниже, оставляя губы и обхватывая грудь. Олеся не смогла сдержать стона блаженства. Когда Габор зажал между пальцев набухший сосок, она тихонько вскрикнула. Как же хорошо... Невероятно... По всему телу разливались ручейки наслаждения.

Габор сжимал и оттягивал сосок, безошибочно угадывая, что ей нужно. Олеся откинула голову на его плечо и бездумно смотрела в потолок. Вцепилась пальцами в его бедра, покрытые короткими волосками и шумно дышала.

Он просунул ладонь между их телами, обхватил член рукой и направил в ее тело. Олеся могла лишь мотать головой по его плечу и груди, сходя с ума от невероятных ощущений. Габор продолжал пощипывать то один сосок, то другой, опалая ее кожу жаром ладоней.

Захватив зубами мочку ее уха, тихо приказал:

– Приподнимись.

Олеся послушно подняла бедра, чувствуя, как о нежные складочки трется жесткая плоть. Она начала осторожно опускаться на твердый член, пытаясь подстроиться под немалый размер Габора.

Головка уже привычно растянула влагалище, ныряя

внутри. Олеся застонала от опалившего гладкие стеночки жара, непроизвольно сжала мышцы. Габор ответил протяжным хрипом, резко входя в нее до основания.

Олеся начала плавно двигаться, плаваясь под ладонями Габора. Он нежно и чувственно гладил ее тело, словно не мог оторваться ни на секунду. Его руки блуждали по плечам, животу, дразнили грудь, как бы невзначай задевая отвердевшие соски. Олеся громко стонала, когда не получала желаемого.

В какой-то момент она не выдержала, схватила Габора за руки и прижала к налившейся тяжестью груди.

От его мягкого смешка живот задрожал в предвкушении. Большими пальцами он потеревил камешки сосков и горячо шепнул:

– Сейчас ничего не будет... Придется тебе подождать...

Его руки неумолимо сдвинулись вниз, пальцы пощекотали пупок, перемещаясь к промежности.

Олеся обернулась и мстительно простонала:

– Если ты не будешь трогать мою грудь, то я не буду двигаться...

Она приподнялась на коленях, выпуская его член из плена тела. Внутри осталась лишь набухшая головка. Олеся напряглась и сжала ее внутренними мышцами. На лице сама собой возникла довольная улыбка, когда она услышала ответный стон Габора.

Пальцы Габора впились в ее бедра. Низким чужим голосом он угрожающе прохрипел:

– Тебе необязательно двигаться... Женщины рода Баттья-ни могут ничего не делать. Мужчины все сделают сами.

Олеся даже не успела сообразить, что ответить на такое заявление. Габор прижал ее к себе и уложил на живот, навалившись сверху.

Она вскрикнула, когда почувствовала грубый беспощадный толчок. Габор припечатал ее к кровати своим весом и начал жестко двигаться, превращая утренний ленивый секс в горячее сражение.

Олеся стонала, сминая пальцами покрывало. Каждый толчок Габора приносил ощущение сумасшедшего вихря. Все ее тело дрожало от спазмов. Низ живота пульсировал. Ей нравилось ощущать его горячее дыхание на шее и затылке. Нравилось, когда он откидывал волосы с мокрой спины и целовал ее лопатки. Нравилось прикосновение твердой ладони к животу.

Он все делал идеально. Так, что у нее кружилась голова и пропадала способность соображать. Он проникал так глубоко, что Олеся чувствовала себя насаженной на здоровенный кол. Еще чуть-чуть, и он просто разорвет ее на части. Но этого не происходило. Тело подстраивалось под его жесткие толчки. Влагалище растягивалось, на грани, едва-едва, но достаточно, чтобы он уверенно скользил в ней. Узкие стеночки обхватывали горячий бархатистый ствол, мышцы сокращались, пытаясь удержать его внутри.

Движения Габора стали резче и сильнее. Он ударялся о

нее с такой силой, что попка дрожала, а в груди перехватывало дыхание. Олеся начала вскрикивать, подходя все ближе к грани.

Наверное, Габор сумел каким-то образом почувствовать это. Просунул руку между кроватью и ее животом, накрыл ладонью лобок и собственническим жестом сжал. Олеся повернула голову, стараясь разглядеть его лицо.

Она еще никогда не видела его таким. Сосредоточенным, суровым. Даже злым. Брови сведены в одну линию, а зубы сжаты. Он тяжело и шумно дышал, блуждая взглядом по ее плечам, спине и затылку.

Неожиданно мужские пальцы пришли в движение. Развели нижние губки и нашли клитор. Олеся не смогла сдержать череду бессвязных всхлипов, когда он принялся натирать чувствительный бугорок плоти.

В теле начали вспыхивать и извергаться вулканы. Нутро затопило лавой. Движения Габора стали быстрее. Он сбился с ритма, просто рвано долбясь в ее тело. Палец на клиторе увеличил темп, и Олеся сорвалась в пропасть.

Громко закричала от болезненно острого наслаждения, прошившего все тело.

Она дрожала и дергалась от сладких судорог, сжимая член Габора изо всех сил. Ее затопила горячая волна, когда он в последний раз ворвался в нее и с громким ревом кончил. Спиной Олеся ощущала бешеное сотрясение его тела. Их влажная кожа терлась друг о дружку, запахи тел смешива-

лись, становясь единым целым. Напряжение такое, что до боли. Даже дышать тяжело. А перед глазами вспыхивают и гаснут яркие огни. Олеся без сил уронила голову на покрывало. Габор упал сверху, прижимая ее к кровати и лишая последних крупниц воздуха.

Но Олеся не желала выбираться из-под его тяжести. Казалось, что вдох, сделанный без него, не принесет ей ничего. Габор чуть сдвинулся, поворачиваясь к ней лицом. Он все еще был внутри нее, и каждое его движение отдавалось внутри Олеси невозможно сладким чувством.

Габор провел пальцем по ее приоткрытым губам, погладил щеки.

– Хочу просыпаться так каждое утро.

Олеся обессиленно улыбнулась. Она не могла даже пошевелиться. С трудом приподнявшись на локтях, она заглянула в его все еще серьезные глаза:

– Наверняка ты уже просыпался так... с другими...

Он посуровел еще больше:

– В нашей постели не будет других. И ты первая женщина, с которой я спал. В смысле... именно спал. Всю ночь. И первая, с кем я проснулся.

Он замолчал, продолжая въедаться в нее тяжелым взглядом. Олеся даже представить не могла, каких усилий ему стоило сделать это признание.

Она прижалась к Габору и довольно потерлась о его тело.

– Знаешь... Я поняла, что ничто не может длиться вечно.

И я утешаю себя тем, что... – Олеся провела пальцем линию через лоб, нос и губы Габора, деля его лицо пополам. – ... что смогу вспоминать эти моменты, когда все закончится.

Габор резко поднялся с кровати:

– Какого демона, Олеся? Почему ты постоянно твердишь, что все закончится?!

Потрясающе обнаженный он метался по спальне, разыскивая свои вещи. Олеся села, бездумно глядя на свою порванную одежду. Не свою – поправила себя. У нее здесь нет ничего.

Да что же с ней такое?! Почему никак не может отделаться от мысли, что все это недолговечно? Дурацкие сомнения оказываются сильнее такого хрупкого счастья.

На несколько минут Габор пропадает в купальне, а когда возвращается, то уже полностью одет. На нем вчерашняя окровавленная одежда. О бедро бьются ножны с саблей. И Олесю вдруг пронзает странная неожиданная мысль.

Этот звук... равномерный стук оружия кажется таким родным и близким. Привычным. Как будто тысячу лет подряд она просыпалась и слышала именно его. Словно это и есть ее настоящая жизнь. Ее настоящее место.

Какая же она дура. Глупая трусиха. За свое счастье нужно бороться. А она всеми силами отталкивает его. Ну и что, что может наступить ужасный момент, когда она станет ему не нужна? Сейчас-то она счастлива! Сейчас у нее есть самый потрясающий мужчина из всех миров.

А она... Дура-дура-дура! Идиотка!

– Я распоряжусь, чтобы тебе подали завтрак сюда. – Голос Габора звучал холодно и отстраненно. Заметив, куда направлен ее взгляд, он сдержанно добавил: – И попрошу Адрианну передать тебе еще одежды до приезда портнихи.

Он развернулся и направился к выходу, унося с собой тепло и воздух. Олеся начала спешно выбираться из кровати. Нет! Она не даст ему так просто уйти. Она совершила ошибку и намерена ее исправить.

Чертово покрывало никак не желало следовать за ней, и Олеся попросту его откинула. Старая не думать о своей наготе, она побежала за Габором.

– Постой!

Не оборачиваясь, он замер у дверей. Олеся догнала его и прижалась к широкой спине. Обвила руками талию, впечатываясь в его тело через ткань.

– Прости меня...

Он стоял неподвижно, убивая ее своей холодностью и внезапным равнодушием. Олеся встала перед ним, заглядывая в ледяные глаза. Там бушевала выюга. Убийственный буран, который мог уничтожить все на своем пути.

– Я не могу не сомневаться, как же ты не поймешь?! – Она стукнула кулаком по плечу Габора.

Он оставался неподвижен. На лице не дрогнул ни один мускул. И на этот раз от него повеяло холодом. Ощутимой арктической стужей, от которой кожа покрылась мурашка-

ми.

И его голос, когда он заговорил, был чужим. Равнодушный господарь вернулся.

— Если бы ты сказала мне, что я должен сделать, чтобы ты перестала сомневаться, было бы легче. — Он чуть наклонился к ней, проникая замораживающим взглядом прямо в душу: — Я могу дать тебе все. Но ты сама не знаешь, что тебе нужно.

Обойдя ее как досадное препятствие, Габор вышел из спальни и уже привычно запер дверь на ключ. Олеся не удержалась и несколько раз пнула дверь ногой. Но добилась лишь того, что к душевной боли прибавилась еще и физическая.

Она опять все испортила. Растоптала крошечные зарождающиеся ростки счастья. Чудесная, полная страсти и порока ночь, сладкое утро и... ее мерзкие сомнения, поднявшие голову тогда, когда все было идеально.

Олеся прижалась лбом к холодной каменной кладке стены и вдохнула уже почти родной запах пыли. Ей не просто был дан второй шанс. Она получила новую жизнь и возможность исполнить все свои заветные мечты. Любящий сильный мужчина, защитник. Он был готов взять на себя ответственность за нее. Он и взял! Для него это не было обузой или необходимостью. Это было чем-то самым собой разумеющимся, с чем он сросся так крепко, что считал нормой. Разве не такого мужчину она всегда хотела?

Так вот же он! Был так близко. А она не удержала. Сама прогнала. От досады хотелось по-волчьи взвыть. Но как

быть со страхами, которые ее мучили? С сомнениями? Она не знала, как побороть их. Довериться Габору было так просто. Но она не могла не ждать того, что однажды все закончится. Она ему наскучит. Постепенно станет раздражать. Он просто устанет объяснять ей очевидные для его мира вещи. Одно дело возиться с ребенком. Другое – со взрослой женщиной.

И как бы она ни готовилась к этому, конец все равно придет неожиданно. Однажды он просто посмотрит на нее и не поймет, что находил в ней прежде.

Олеся закуталась в покрывало и тяжело осела на пол возле кровати. Босым ногам было холодно, из глаз потекли слезы, а душу разрывали на куски невидимые звери.

Она так хотела этого счастья. До последнего вздоха ждала и надеялась, что встретит мужчину из мечты. Буквально – до последнего вздоха!

Воспоминания о ночи и аварии зажглись в голове яркими вспышками. Она так отчаянно загадывала желание о мужчине, с которым сможет быть счастлива, что готова была поверить и в новогодние чудеса, и даже в Деда Мороза.

Неужели, ее желание исполнилось, а она теперь так глупо отвергает этот дар? Знать бы наверняка, что Габор именно тот мужчина...

Стоп! Олеся отерла слезы и глубоко вздохнула. А не слишком ли многого она хочет? Она могла быть мертва уже несколько дней. Вместо этого на ней лишь пара шрамов от

ударов кнутом. Ей предстояло встречать одинокий унылый Новый год в пустой холодной квартире. Взамен – огромная, почти сказочная, крепость. В прежнем мире она бы провела пару дней, рыдая над черно-белыми фильмами и наматывая сопلي на кулак из-за измены Андрея. Но получила сумасшедшую ночь и мужчину, о котором даже не осмеливалась мечтать. А если и позволяла себе представить такого, так все равно понимала, что он – лишь сказка. Выдумка. Фантазия.

Она получила новую жизнь. Новый шанс. Свою собственную сказку. Мужчину. Зная ее лишь несколько дней, он уже собирался сделать ее своей женой. А ведь он наверняка должен был выбрать девушку равную по положению. Наверняка богатую. Хорошо воспитанную. Невинную. И уж точно осознающую, какой подарок судьбы ей выпал.

Олеся перевела взгляд на камин. Хватит разводить нюни. Ей надоело быть сопливой овцой. Она уже начинала ненавидеть себя за минуту слабости. Она получила новогодний подарок. Просто он не в коробке и не обернут яркой бумагой.

Если ей нужно грызть землю, то она будет ее, черт возьми, грызть! Габор именно тот мужчина, который ей нужен. Которого она всегда хотела. Андрей ему и в подметки не годился. А она так глупо его оттолкнула.

Ничего. Все еще можно исправить. Наверняка можно. Она способна растопить тот холод, который он на нее наслал своим равнодушием. Нужно только отыскать его...

Олеся поняла, что до сих пор смотрит на камин. Пусть

Габор ее запер, но, чтобы выйти из комнаты, ей и не нужен ключ. Есть другой способ.

Она быстро отерла слезы краешком покрывала и направилась к подоконнику. Неожиданно заскрипела замочная скважина.

Сердце забилося быстрее. Неужели он все-таки вернулся? Понял, что был не прав, уходя так резко и холодно.

Дверь отворилась, и на пороге показалась низенькая пухлая старушка. На морщинистом лице застыло выражение доброты и любопытства. Из-под опрятной косынки выглядывали пушистые седые волосы, которые сияли на свету.

Старушка подслеповато щурилась, рассматривая спальню. Увидев у окна Олеся, она радостно улыбнулась и вошла в комнату.

– Вот вы где, госпожа! А я уж было подумала, что перепутала чего со старости.

Голос он у нее оказался напевный, но на удивление громкий и бодрый. Таким сказки малышне рассказывать и заливчатские народные песни петь.

Олеся неуверенно мялась у подоконника, не зная, что сказать. Переминаясь с ноги на ногу, как утка, старушка вошла в спальню. Только сейчас Олеся увидела у нее в руках тяжеленный поднос, нагруженный всякой едой. А через локоть было перекинута платье и, судя по белой ткани, нижняя сорочка.

Олеся тут же подскочила к женщине и вырвала из ее рук

поднос:

– Давайте помогу.

Та не ожидала подобной прыти. Остановилась, несколько раз забавно моргнула, приоткрыла наполовину беззубый рот и... всплеснула руками:

– Да что ж вы, госпожа?! Кто тут служанка: вы или я?

Олеся осмотрелась, ища, куда пристроить поднос, от которого исходили чудесные аппетитные ароматы. В животе тут же жадно заурчало, и она поняла, что краснеет.

– Вот я глупая гусыня! – Старушеница всплеснула руками. – Поставить-то некуда!

Олеся осторожно водрузила поднос на краешек кровати. С другой стороны женщина начала аккуратно раскладывать платье, нижнюю сорочку и чулки.

– Давайте вас оденем, госпожа, а потом я и завтраком накормлю. А то уж больно вы бледная. Да и худышка такая. Глаза вон на пол-лица. – Она взяла сорочку и встряхнула. – Идите-ка сюда.

Олеся с сомнением посмотрела на пожилую женщину и поплотнее закуталась в сползшее покрывало.

– Пожалуй, я сама оденусь.

– Да где ж это видано, чтобы госпожа, да еще такая юная и красивая, сама одевалась? Нет уж, я хоть и стара, но свои обязанности знаю!

Загадочная старушка придирчиво разглядывала нижнюю сорочку.

– Разве ж эта ветошь убережет девичью честь? – Она покачала головой и двинулась к Олесе. – Давайте-ка, госпожа, поднимайте руки, надену на вас этот срам.

Олеся абсолютно не желала обнажаться перед старой ворчуньей. Она мягко высвободила ткань из натруженных дряблых рук, подхватила чулки и платье и двинулась в ванную.

Женщина снова забавно моргнула:

– Госпожа, куда ж это вы?!

– Сейчас вернусь!

Олеся захлопнула дверь, быстро скинула с себя покрывало и принялась одеваться. Старушенция так смешно причитала над сорочкой, что ей в голову пришла одна идея. Нужно было только договориться со швеей. И если к тому моменту, когда ее идея воплотится в жизнь, Габор все еще будет сердит... она сумеет заслужить его прощение.

Из обуви у нее были только сапоги, так что пришлось довольствоваться ими. А вот платье застегивалось сзади, и без помощи старушенции было не обойтись.

Олеся вышла из купальни, когда женщина суежилась над подносом. Выкладывала на красивую серебряную тарелку всевозможные яства.

– Вы не поможете? – Она повернулась к женщине спиной. Та тотчас бросилась застегивать бесконечные крючки:

– Конечно, госпожа моя славная. Для того я и здесь.

Олеся не знала, принято ли здесь общаться со слугами, но молчать было глупо. Да и Габор позволил этой женщине

сюда прийти. Значит, доверял.

Решившись, она спросила:

– А как вас звать?

– Петра я, госпожа.

– А я... Маргит. – Олеся едва не назвала свое настоящее имя. Спихватилась лишь в самый последний момент. И чтобы Петра не заметила заминки, поспешно добавила: – Рада с вами познакомиться, Петра.

– Ох вы ж, девочка моя... Ласковая какая...

Петра вышла из-за спины Олеси и ласково на нее посмотрела:

– Как же хорошо, что Морозный дед сделал нам всем такой подарок. Исцелил тебя, речь вернул. А ты вон какая оказалась... добрая... Да ты не бойся, господарь Габор уж все мне объяснил. Знаю я, что ты ничегошеньки не помнишь. Да это и не беда. Заново все узнаешь. Оно ж даже и лучше, когда в себе.

Олеся немного напряглась. Петра общалась не так, как другие слуги. Сбилась с почтительного «госпожа» на «девочка моя». И все так бойко, шустро. Олеся едва успевала следить за ее речью. Явно она не из простых слуг. Только как это узнать? Да ведь старушка сама подсказала!

– А вы давно здесь служите? Мы встречались прежде? – Она изо всех сил старалась подражать здешней манере говорить, но выходило немного коряво.

Одна надежда, что спишут на ее мнимую болезнь.

– Госпожа моя... – Она покачала головой и подтолкнула Олесю к кровати. – Вы садитесь да завтракать начинайте, а я вам все-все расскажу. Даже и не заметите, что чего-то не знали.

Олеся послушно села, стараясь не обращать внимание на погром в постели, который они учинили с Габором. Поставила на колени тарелку с едой и осторожно поднесла ко рту теплый кусочек поджаренного хлеба. На нем лежал ломтик ароматного сыра, который уже начал плавиться. Красота... Олеся даже зажмурилась от удовольствия.

– Я, стало быть, нянчила наших господ. Всех троих. Кормилицей у них была. Тебя-то один разочек видала... Совсем ты печальная была. Как ноченька темная. Все боялась чего-то, по углам шарахалась. Да и господин Миклош с тобой не особенно возился. – Петра прикусила язык, поняв, что сболтнула лишнего: – Но я-то его и не так хорошо, как господаря Габора, знаю.

Олеся замерла, не донеся до рта очередной ломтик хлеба. Кормилица и няня Габора, которая его растила. Знает с пеленок. Спасибо, Господи, ты услышал ее молитвы!

Быстро прожевав, Олеся спросила:

– И какой же он? Господарь Габор?

Одна надежда, что Петра не станет сильно удивляться любопытству Олеси. Ведь ей положено интересоваться совсем другим братом.

Но она зря переживала: лицо Петры озарилось востор-

гом. Даже щеки порозовели. Кажется, сейчас Олеся услышит много интересного и нового. Конечно, нянечка может судить предвзято, но лучше уж хоть что-то, чем тыкаться в пустоту.

– Ох, он наш защитник. Ты, девочка моя, не бойся его. Если вдруг, какая беда приключится, сразу к нему иди. Он о своем народе вперед себя думает. В обиду не даст никому. Ни врагам, ни демонам. Он-то с детства таким был. Серьезный всегда, внимательный. Старался очень. Чтобы родители его довольны были. С самого-то детства мальчонка знал, чем ему заниматься предстоит. Не то что младший господин. Вот уж кто пальцем лишний раз не пошевелит. Да и госпожа Адрианна. Одни платья и побрякушки на уме. Глупая она, хоть и добрая.

Олеся поморщилась. До Адрианны и извращенца Миклоша ей не было никакого дела.

– А что господарь Габор любит?

Петра бросила на нее странный взгляд, и Олеся поняла, что спросила что-то не то. Нужно как-то оправдать свой вопрос... Конечно!

– Я просто... Все готовят подарки друг другу. А я никак не могу решить, что ему подарить на... на Проводы Старого года.

– О, это ты хорошо придумала, деточка. Нашему господарю так редко подарки дарят. Он-то всех одарит, позаботится. А ему никто ничего и не подарит, дескать все у него и так есть. Так он и не просит. И в детстве не просил. Родители-то

его, господин с госпожой покойные, все оружие да еще глупости какие дарили. Совсем мальчонку не радовали.

Олеся тут же напряглась:

– А чего ему в детстве хотелось?

Петра пожала плечами и подала Олесе кубок с душистым теплым питьем.

– Мне-то он ни разу не говорил. Он вообще всегда скрытым был. Ни горестями, ни радостями ни с кем не делился. Все в себе держал. Но вот я точно знаю, что Проводы Старого года в замке его тяготили. Он часто сбегал в деревню. Я однажды у него крестьянскую одежду нашла. Переодевался в деревенского... С ними праздновать хотел...

– А как празднуют в деревне?

– О, Великие Небеса! Ты и этого не помнишь?

Олеся помотала головой:

– Вообще ничего.

Следующие полчаса Петра рассказывала ей о том, как простые люди пытаются развлечь себя и своих детей. Удивительно, чего только не придумывали крестьяне, чтобы превратить праздник в буйное веселье. Олеся старалась запоминать все обычаи, гадая, что из этого пришлось бы Габору по душе.

Но чем больше рассказывала Петра, тем меньше Олеся верила в успех своей затеи. Она совершенно не представляла Габора беззаботно веселящегося среди крестьян. Она помнила, каким он был в деревне. Сосредоточенным, злым

и недовольным абсолютно всем. Как будто всеобщее веселье его раздражало и даже причиняло боль.

Может, Петра чего-то не знает, и Габор сбегал вовсе не за этим? Что если среди крестьянских девушек была та, с которой он хотел видаться вопреки воле родителей?

От этой мысли стало совсем мутно на душе. Олеся никогда не понимала тех женщин, которые из кожи вон лезли, чтобы удержать возле себя мужчину. Но если хотя бы один из них был в половину похож на Габора, то все становилось на свои места.

Теперь и она стала одной из тех одержимых, которые ищут способ привязать к себе любовника. И ведь он сам готов был взять ее в жены. А она глупо все испортила своими страхами и сомнениями. Но так трудно убедить мозг, что он не Андрей и не ее отец. Он не бросит ее, не оставит на произвол судьбы. Но ей и не это нужно было.

Его любовь... Вот чего она желала. Он так и не сказал, что любит. «Дура! Он сказал, что его душа теперь принадлежит тебе. А ты ждешь заученных слов. Как будто «Я тебя люблю» обладает какой-то волшебной силой и сможет его пришить к тебе».

Хватит отталкивать собственное счастье и бояться сделать шаг навстречу. Она уже устала опасаться. Устала от собственных страхов. Хотела мужчину? Так вот же он! Дедушка Мороз постарался. Отыскал такого, как заказывала. Не один мир перебрал, прежде чем нашел. А она все сомневается.

Хватит!

– Ох, я тебя заболтала, деточка! Портниха-то уже тут, дожидается. Важная такая. Господарь велел тебя накормить и сразу к ней вести, а я глупостями тебя заговариваю.

– Нет-нет! – Олеся быстро дожевала ломтик теплого пирога. – Я вам очень благодарна.

Петра принялась что-то бубнить себе под нос, собрала поднос и кивком головы указала на дверь:

– Идемте, госпожа. Идемте. Поторопимся. Красота ждать не может. – Она хихикнула и тут же добавила: – Мастерницы-то шептались, что господарь целое состояние на ваш гардероб отвалил. Да еще и за срочность приплатил. А ткани какие велел привезти... Даже у принцессы таких платьев красивых не будет. Вот как он вас ценит!

Олеся прикусила язык. Для окружающих она все еще была женой Миклоша, поэтому странно, что ее ценит брат мужа. Чтобы не ляпнуть лишнего, она решила промолчать и просто следовала за нянюшкой до нужной комнаты.

Замок до сих пор оставался для нее мудреным переплетением коридоров, которые разветвлялись и скрещивались, заводя в неожиданные места.

Вот и сейчас Петра быстро провела ее по мрачному проходу, увешанному гобеленами. Коридор заканчивался тупиком – резной дверью с изображением гор, леса и компании демонов.

Петра уверенно отворила дверь и пропустила Олесю впе-

ред. Она оказалась в небольшом, но просторном зале со сводчатым голубым потолком. Даже в неярком утреннем свете солнце, звезды и луна красиво блестели и переливались, раскрашенные золотой и серебряной красками. Стены, как и в тайном проходе, который она нашла за камином, были расписаны фресками. Но никаких отвратительных сцен совокупления не было. Красивая длинноволосая девушка гладила могучего оленя. На его ветвистых рогах были написаны какие-то слова, но Олеся не могла понять ни одной буквы. Как такое может быть? Она понимала чужую речь, но не могла прочесть ни словечка. Это очень и очень плохо.

Нужно спросить Габора, что делать. Мало того, что она повела себя с ним как истеричка, так еще и оказалась неграмотной. И зачем ему с такой возиться?..

Одна из стен была завешана красивой темно-зеленой портьерой, как будто поросла мхом. Там стояли массивные кресла, больше похожие на троны. В одном из них сидела сурового вида дама с пучком на макушке.

По обе стороны от нее стояли две девушки с сосредоточенными лицами и взглядами, устремленными в пространство. Все трое были одеты в одинаковые зеленые платья и сливались с портьерами. Это странное трио напоминало жуткую семейку: мать и дочек, которые только что кого-то расчленили.

Олеся даже вздрогнула от страха. Ее неловкие движения

привлекли внимание «семейства».

Дама подскочила с кресла и окатила Олесю холодным сосредоточенным взглядом. Синхронно с «дочерьми» она присела перед Олесей в поклоне.

– Меня зовут Карола, госпожа. Господин Габор оказал мне честь сшить для вас новый гардероб. Он уже сказал, что вам необходимо. Смею заверить, все будет готово в кратчайшие сроки.

Под вьедливым взглядом швеи Олеся чувствовала себя странно. В речи Каролы слышалось едва скрытое превосходство. Олеся легко его разгадала: с ней часто так разговаривали мужчины-пиарщики, которым не удавалось заполучить настолько же крупные заказы, как получала она.

Олеся повыше вздернула подбородок:

– Раз уж вы уже все решили с господином Габором, то зачем здесь я?

Вся компания тут же напряглась. У «дочек» так выразительно открылись рты, что Олеся едва не хихикнула. Приходилось сдерживать себя, сохраняя лицо.

Карола прочистила горло. Ее землистого цвета лицо покрылось лихорадочными пятнами.

– Хм... Нам необходимо снять с вас мерки... И вы должны выбрать ткани...

– А-а, значит, для меня тоже нашлось занятие?

Карола нетерпеливо махнула рукой, подзывая девиц:

– Живо!

Дальше все завертелось с нечеловеческой скоростью. Как по волшебству в руках Каролы возник красивый блокнот в тканевой обложке. Девушки крутили Олесю из стороны в сторону, прикладывали к ней сантиметр, надиктовывали хозяйке десятки чисел. Олеся и не подозревала, что на человеке можно столько всего измерить.

Когда все мерки были записаны, Олесю усадили в кресло и вручили в руки тяжеленный фолиант.

Карола быстро пролистала том почти до конца. Перед глазами мелькнули образцы тканей, пуговиц, эскизы, шнуры, нити.

– Прошу, госпожа Маргит. – Тон Каролы стал намного теплее и уважительнее. – Образцы новых тканей. Это – для плащей и верхней одежды. Здесь – меха. Дальше – наши новинки для платьев. И в самом конце – для нижних сорочек, халатов и прочего белья.

Олеся сразу открыла самый конец:

– А вы можете пошить так, как я попрошу?

Швея удивленно вскинула тонкие брови:

– Господарь Габор дал четкие указания...

Олеся нетерпеливо перебила ее:

– Да, но это касалось платьев. А я бы хотела сделать... особый заказ на белье. – Олеся взглянула на черный образец мягкой ажурной ткани. – И пошить это надо в первую очередь.

Карола неуверенно кивнула и снова раскрыла свой блок-

НОТ.

– Постараюсь сделать все возможное...

– Постарайтесь. Я хочу кое-что особенное, поэтому слушайте внимательно...

Глава 2

Спустя пару часов и десяток неудавшихся эскизов Олеся и госпожа Карола стали едва ли не лучшими подругами.

Олеся чувствовала себя так, словно целые сутки пропала в огороде. Должно быть, и выглядела так же. Она и не думала, что попытка объяснить, какой хочет видеть ночную рубашку, выпьет из нее столько сил.

Правда, и задумки у нее были не совсем обычные. Олеся не могла дожидаться момента, когда предстанет перед Габором в одной из новых сорочек. К концу обсуждения с шведом не сходил пунцовый румянец.

– Вы уверены, что вам нужно именно ночное платье?

Олеся придирчиво разглядывала эскиз будущего пеньюара. Черное кружево, длинный шлейф, тонкий кожаный пояс.

Она наденет его прямо на обнаженное тело. Почему бы не порадовать Габора за его же деньги? Если уж это не заставит его простить ее... тогда она привяжет его к кровати и примерит пять оставшихся.

Карола вновь принялась ворчать:

– Возможно, вы не знаете... но подобное не заказывают даже куртизанки. *Такого* вообще никто еще не заказывал.

Олеся вздернула брови:

– Вас что-то смущает?

В этот момент дверь распахнулась, и в зал вошел Габор. Помещение тут же уменьшилось, сосредоточившись вокруг его высокой фигуры. Олесино сердце забило чаще, кровь прилила к щекам.

Он сразу же нашел ее взглядом, как будто заранее знал, где она сидит. Олеся не смогла сдержать радостную улыбку, но Габор не улыбнулся в ответ. Равнодушно посмотрел на нее и повернулся к швее:

– Вы закончили?

– Да, господарь. Все будет готово в кратчайшие сроки.

Габор лишь кивнул, отступая от двери, без слов давая понять, что разговор окончен. Карола захлопнула блокнот, а ее помощницы подхватили фолиант с образцами тканей.

Выходя, портниха бросила на Габора такой взгляд, что Олесе захотелось вцепиться ей в волосы. Есть тут хоть кто-то, кто не мечтает заполучить господаря?!

Едва за Каролой захлопнулась дверь, Габор подошел к Олесе. Опустился в соседнее кресло и, рассматривая фреску с оленем, коротко бросил:

– Я все обдумал.

Боже... Ну все, доигралась. Он решил оставить все, как есть. Одной страстной ночи оказалась недостаточно, чтобы заинтересовать его. Да и вряд ли ему доставляет удовольствие выслушивать ее истерики.

Габор повернулся к ней и резко отчеканил:

– К Бражене я поеду сам.

– Что?!

Олеся была так удивлена, что не сразу сообразила, о чем он говорит. Она успела себя накрутить и снова напридумывать невесть чего.

– Вряд ли ты умеешь ездить верхом. И погода портится. Тебе безопаснее будет остаться здесь. Поможешь Адрианне с украшением крепости к Проводам Старого года.

Ну уж нет! Теперь она не отступит. Поездка – это шанс лучше узнать Габора. И помириться. А на то, что скажет местная ведьма, по сути – уже плевать.

– Я понятия не имею, как украшать крепость. А усидеть в седле... Для чего тогда нужен ты? Научишь меня.

Глаза Габора опасно сверкнули. Кажется, ей удалось его немного расшевелить.

– Это не урок верховой езды. И если я говорю, что ты остаешься, значит, ты остаешься.

Он устало потер глаза, но в этой усталости не было ничего от их бессонной ночи. Пресловутым шестым чувством, женской интуицией Олеся чувствовала, что его что-то тревожит.

Она поднялась из кресла и встала перед Габором:

– Я поеду с тобой.

– Опять ты споришь... – Наконец на его лице появилась новая эмоция. Кажется, восхищение. – Ты остаешься.

– А как же Миклош?

– Тебя он больше не побеспокоит. Можешь не переживать.

– Нет уж! Я буду переживать. Потому что это моя жизнь. Моя. И... – Олеся решила идти до последнего. Если он не хочет брать ее, то нужно сделать так, чтобы он не мог не взять.

Она скользнула Габору на колени, запустила пальцы в гладко причесанные волосы и растрепала. На его лице отразилось такое удивление, что она едва не улыбнулась.

– И к тому же... я хочу постоянно быть с тобой.

– Да неужели? – Габор усмехнулся и откинулся на спинку кресла.

Он точно разгадал все ее нехитрые маневры и теперь просто наблюдал за тем, как далеко она может зайти.

Но Олеся не собиралась идти на поводу его ожиданий. Она еще больше взъерошила его волосы и погладила ладонью колючую от щетины щеку.

– Что-то произошло? Ведь так?

Вот теперь он по-настоящему удивился. Свел на переносице брови и отвернулся к фреске. Молчание длилось так долго, что Олеся перестала надеяться на ответ. Она просто гладила его волосы, накручивая на пальцы отросшие пряди, ласково скользила пальцами по губам, очерчивала их контур.

Неожиданно Габор нарушил тишину:

– Пришло письмо от короля. Они с дочерью едут сюда. Провожать Старый год.

Этого Олеся ожидала меньше всего.

– Это... это плохо?

– Да. – Габор прямо посмотрел ей в глаза. Накрыв ладонью колено, обжигая жаром даже сквозь несколько слоев ткани.

– Я тебя не подведу. Обещаю, что буду смирно сидеть в твоей спальне и даже лишнего звука не произнесу. Они ничего обо мне не узнают.

Он покачал головой и притянул Олесю ближе.

– Король часто устраивает подданным подобные... «сюрпризы». Обычно, так он проверяет, насколько окружение к нему лояльно и кого можно... к себе приблизить.

– Но разве ты недостаточно к нему близок? Безопасность страны абы кому не доверят.

Габор медленно вычерчивал на ее спине узоры.

– Близок. Но у короля более... личные планы. – В голосе Габора слышалось раздражение. Даже злость.

Олеся напряглась:

– Ты о чем?

– Неважно.

Он безжалостно выдернул шпильки из ее прически, распустил волосы и сгреб в кулак. Жестко притянул Олесю еще ближе к себе и шумно вдохнул аромат ее волос.

– Если действительно хочешь ехать, то нужно собираться прямо сейчас. – Но вместо этого Габор потерся губами о чувствительное место между Олесиных ключиц. До боли прикусил нежную кожу. А когда она застонала и откинула назад голову, лизнул укус.

– Почему ты такая?... Вку-у-усная... – Его язык воль-

готно гулял по шее, зубы царапали кожу. А губами он порочно-сладко обхватывал влажные участки и всасывал их в рот. – Хочу, чтобы на твоём теле повсюду были мои следы.

Олеся содрогалась мелкой дрожью от каждого движения, от каждой запретной ласки. Тихо постанывала, тщетно пытаясь сдержаться.

Звуки ее стонов и его поцелуев смешались, превращаясь в возбуждающую музыку.

Она уперлась ладонями в плечи Габора. Пока еще она могла себя контролировать, нужно сдержаться. Даже такой сумасшедший секс, как у них, может наскучить. Хотя, кого она обманывает? Когда любишь, не можешь насытиться любимым человеком. Теперь она понимала всю эту беготню вокруг вторых половинок.

Габор и вправду казался когда-то давно потерянной частью, которую она наконец обрела. А как жить разрубленной пополам? Да никак.

Олесю напугали собственные чувства. Так зависеть от другого человека... Это было слишком непривычно. Только сейчас она вполне осознала, насколько сильно привязана к нему. Пришита. Приклеена. Без Габора уже никак.

Его голос, взгляд, скупые редкие улыбки – все казалось дорогим и важным. Самой большой ценностью, которую ей удалось получить. Воздухом. Водой.

А может, наоборот, наркотиком, на который она прочно подсела?

Пока еще могла сколько-нибудь трезво мыслить, Олеся попыталась сползти с коленей Габора. Но он впился пальцами в ее бедра, другой рукой натянул волосы, не позволяя отстраниться.

– Не отпускаю... – Его глаза потемнели настолько сильно, что казались двумя бездонными омутами.

Олеся хрипло напомнила:

– Мы собирались ехать...

Габор потянулся к ее губам, словно и не слышал:

– Сегодня ночью ты снова будешь моей. – Он прикусил ее нижнюю губу.

Внизу живота стремительно скапливалось напряжение, такое тягучее и острое, что Олеся опасалась не выдержать. Рядом с Габором она становилась слабой. Неуравновешенной. Истеричкой. Действительно, как наркоманка в поисках новой дозы. И этой дозой был господарь.

Он медленно и тщательно облизывал ее губы, превращая поцелуй в запредельно порочную ласку. Олеся не могла остаться равнодушной. Отпустила возбуждение на волю и несмело коснулась кончиком языка губ Габора.

Он улыбнулся. Особенной улыбкой. Улыбкой соблазнителя. Опытного мужчины, который знал, как обращаться с женским телом и разбивать женские сердца.

От этой мысли в душе Олеси поднялась буря. Внутри проснулась дикая, одержимая собственница, которая готова была пустить кровь любому, кто покусится на принадлежа-

щего ей мужчину.

Олеся даже не поняла, что тихие рычащие звуки издает именно она. Габор придвинул ее вплотную к себе, впечатывая бедра в бедра так, что она ощутила сквозь слои одежды восставшую плоть.

Но на задворках сознания еще слабо билась мысль о том, что сейчас не время и не место.

Нечеловеческим усилием воли она заставила себя отстраниться от Габора. Вцепилась пальцами в его волосы и буквально отодрала от себя голову Габора.

– Нужно ехать... – Дышать было тяжело, как будто она пробежала много километров. – Ты же сам говорил: пора собираться.

Пару долгих мгновений Габор буравил ее тяжелым взглядом, а затем грубо спихнул с коленей. Олеся едва не упала. Хотела возмутиться и обидеться, но заметила, как дрожат его руки и ходят желваки.

Габор был слишком возбужден. Даже больше, чем она. Его резкость стала казаться не такой уж жестокой. А если он любит грубость... что ж... вполне можно поиграть.

Олеся повернулась к нему лицом, отступая. Габор продолжал смотреть на нее мрачным взглядом.

– Кажется, господарь разозлился? – Она никогда не умела быть соблазнительной. Но сейчас чувствовала в себе силу покорить этого мужчину.

Габор прищурился, следя за ней, как за глупой жертвой,

решившей поиграть с хищником.

– А ты хочешь проверить, насколько сильно я зол?

Олеся улыбнулась. Как же он ей нравился таким. Диким, неудержимым. Внешне сдерживающийся, остающийся практически невозмутимым и преступно спокойным, но внутри... Настоящий ураган, который отражается лишь в его глазах.

– Любишь быть грубым с женщинами?

– Ты меня провоцируешь? – Он иронично вздернул бровь, став похожим на пресыщенного султана.

Олеся пожала плечами:

– Я бы могла тебе позволить...

– Что именно? – Он тут же напрягся. Глаза лихорадочно заблестели.

Олеся откинула назад растрепанные волосы. Взгляд Габора не отрывался от нее ни на минуту.

– Мне кажется, ты... дикий... Несмотря на то, что кажешься всем суровым и холодным.

Уголки его губ медленно поднялись вверх, придавая лицу хитрое выражение.

– Если кого-то долго сдерживать, рано или поздно он сорвется и вырвется наружу. Меня сдерживали с детства.

– Можешь сорваться со мной. А все пусть продолжают считать тебя хладнокровным господарем. И только я буду знать, какой ты на самом деле...

– И какой же я?

– Порочный... – Олеся сделала шаг в сторону и начала обходить Габора по кругу, заходя ему за спину. – Развратный. Страстный. Неукротимый. – Положила ладони ему на плечи и нагнулась к его уху. – Дикий. Очень-очень дикий...

Нежно поцеловала его ухо и тут же отстранилась:

– Но нам нужно ехать к ведьме. Ты обещал.

Габор резко поднялся и схватил ее за руку. Потащил за собой, как неразумного ребенка.

Олеся едва успевала переставлять ноги:

– Постой! Куда мы?

– Быстрее уедем – быстрее вернемся. И ты узнаешь, насколько сильно я люблю быть грубым.

От предвкушения кожа покрылась мурашками, и грудь налилась тяжестью. Такая ненужная сейчас реакция мешала сосредоточиться. Но Олеся заставила себя прогнать из головы откровенные картинки. Бросила последний взгляд на фреску. Буквы на рогах оленя по-прежнему были незнакомыми.

Нужно сказать Габору... Но, наверное, не сейчас. Вряд ли он обрадуется ее безграмотности.

– Куда мы идем?

Они шли знакомыми коридорами, но Олеся так и не запомнила, куда какой ведет.

– В мои покои.

– Зачем?

– Если ты поедешь со мной, это может вызвать ненужные

разговоры и подозрения.

– Хочешь опять меня запереть?! Но ты же обещал...

– И сдержу свое обещание. Мне как раз нужен доверенный слуга. – Габор хитро улыбнулся и открыл дверь комнаты, где они впервые встретились.

Олеся нахмурилась:

– Что ты имеешь в виду? Какой еще слуга?

Он окинул ее загадочным взглядом и скрылся за неприметной дверью в углу. А когда появился вновь, держал в руках стопку одежды:

– Чтобы не вызвать подозрений, тебе придется временно побыть моим верным, – он снова усмехнулся, – и преданным слугой. Надеюсь, ты любишь маскарады?

Кажется, она начинала понимать...

– В моем мире я не была ни на одном. Да их и устраивают нечасто.

На лице Габора появилось недоверие.

– Как вы тогда развлекаетесь? – Он начал раскладывать на кровати одежду. Мужскую. Но явно не своего размера.

– Ну-у-у... Есть разные способы... Откуда эта одежда?

Он снова надел маску. Холодное непроницаемое выражение. Но в глубине глаз затаилось что-то глубокое и опасное.

– Это моя одежда. Тебе должна подойти. Мне было тогда лет двенадцать.

Кажется, это именно то, во что он переодевался, сбегая в деревню. Олеся мысленно поблагодарила Петру. Старушка

дала ей возможность лучше понять Габора. И Олеся обязана воспользоваться этим шансом.

– И ты до сих пор хранишь ее?

Габор бросил на нее мрачный взгляд:

– Да.

И это все? Олеся взяла рубашку из плотной ткани с красно-желтой вышивкой на воротнике и манжетах. Сдержанные угловатые узоры идеально подходили характеру Габора. Вся его натура сосредоточилась в этих орнаментах.

Ладно... Она все равно заставит его признаться.

– Где можно переодеться?

– Здесь.

– Прямо перед тобой? Для того, кто скрывает каждую минуту своей жизни, ты слишком много от меня хочешь.

– Ты будешь одеваться здесь. Передо мной. Или считаешь, что я вчера не все рассмотрел? – От его высокомерного и даже пренебрежительного тона Олеся передернуло.

Да что же это такое? Оставаясь невозмутимым, он так безжалостно играл с ее эмоциями, что Олеся боялась сойти с ума. Жестокое падение с небес и безумного возбуждения в преисподнюю его равнодушия.

Размахнувшись, Олеся вlepила ему звонкую пощечину, вложив в нее всю свою силу и боль. Всю ярость. Звон от удара плоти о плоть, задрожал в воздухе.

Габор откинул голову, но скорее от неожиданности. На его смуглой коже проступил алый след.

Он схватил ее за плечи и встряхнул:

– Ты забываешься, Олеся. Не нужно думать, что тебе все позволено, лишь потому что мы спим.

– Какой же ты все-таки мудака! Я не просила твоей милости. Можешь меня выбросить из крепости. Я ведь даже не бедняжка Маргит, на которую всем было плевать. Мне ты вообще ничего не должен.

На щеках Габора снова заиграли желваки, венка на виске забила. Но больше не дрогнул ни один мускул. Он швырнул Олесю лицом на кровать и начал расстегивать ее платье. Олеся попробовала отползти, но Габор просто рванул ткань на спине, выдирая крючки, а затем грубо перевернул ее на спину.

Низким голосом прорычал:

– Еще помощь нужна?

Он стащил с нее платье, совершенно не обращая внимание на отчаянное сопротивление.

– Рубашка, брюки, сюртук, плащ. – Перечисляя, он швырял ей на колени одежду.

Олеся поднялась с кровати, пытаясь сохранить последние крупинки гордости. Держа спину до боли прямо, стащила с себя платье. Пышной горкой оно упало к ногам.

Габор, не отрываясь, следил за каждым ее движением. Как будто ждал, когда она сделает что-то неправильно. Его вспышка ярости никак не вязалась со скрытым характером.

Внезапная догадка поразила надеждой. Может... Может,

все дело в ней? На нее он реагирует так остро и почти болезненно?

Демонстративно медленно она надела его брюки и рубашку. Одежда оказалась впору. Мягкая ткань штанов обтянула бедра, а рубашка оказалась чуточку узка в груди. И судя по горячему взгляду Габора, он это заметил.

Что ж, пусть смотрит. Теперь, прежде чем получить от нее хотя бы поцелуй, господарю придется потрудиться. Натягивая короткую кожаную куртку, Олеся специально выпятила грудь. Пуговицы натянули материю, отчего глаза Габора потемнели еще больше.

По коже прошли мурашки от пристального тяжелого взгляда. Казалось, Габор впал в транс, застыл, не видит ничего вокруг.

Олеся поправила воротник, и в то же мгновение Габор шагнул к ней. Резко свел вместе расходящиеся полы и почему-то дрожащими пальцами принялся застегивать металлические бляшки. Он едва ли не с мясом выдирает короткие ремешки.

Олеся вздернула подбородок:

– Ну что, господарь? Я похожа на вашего слугу?

Она резко вскинул голову и опалил ее бешеным взглядом – будто вулканической лавой облил.

– Мои слуги следуют моим приказам и стараются во всем мне угодить.

Олеся нагнулась в шуточном поклоне:

– Я живу ради того, чтобы угодить вам... господарь.

Кажется, она перегнула палку. Габор так крепко стиснул зубы, что кожа на скулах едва не трескалась – настолько четко они обозначились. Его лицо стало хищным и опасным. Олеся впервые испугалась его по-настоящему. Было в нем что-то... демоническое. Сердце царапнуло неприятное подозрение, но она постаралась отогнать его подальше.

Габор взял с кровати выцветший темный плащ. Наверное, когда-то он был очень красивым – с темно-зеленой каймой и вышивкой по подолу. Но сейчас края выглядели потрепанными, кое-где торчали короткие ниточки.

Габор окинул ее похолодевшим взглядом и приказал:

– Накинь капюшон, и не снимай, пока я не разрешу.

Олеся закрутила растрепанные волосы в пучок на макушке и закрепила парой шпилек. Послушно опустила капюшон прямо на глаза.

Габор отвернулся, в очередной раз умудрившись пройти грубой подошвой по ее сердцу. Он нажал на один из кирпичей в кладке, и на стене отчетливо обозначился контур небольшой арки. Кирпичи внутри нее начали отъезжать в стороны, открывая небольшую темную нишу.

Олеся приоткрыла от удивления рот. Каждый сантиметр ниши был занят оружием. Оно висело на стенах, мягко светясь в темноте тайного помещения.

Габор обвязал вокруг талии пояс со множеством непонятных ремней и креплений. Помимо воли Олеся залюбовалась

его скупыми точными движениями. Ни одного лишнего жеста. И это было... очень соблазнительно. Она почувствовала, как кровь приливает к щекам и становится невыносимо жарко.

Габор снял со стены длинный меч в ножнах и прикрепил к поясу. С другой стороны повесил уже знакомую ей саблю.

За спиной закрепил кинжалы с длинными лезвиями. Больше всего Олесю поразила блестящая цепь с жутковатым крюком, напоминающим наконечник стрелы, только в несколько раз больше. Выглядело жутко и навевало мысли о пытках. Похоже, он не шутил, когда угрожал запереть ее в подземелье и приковать цепями.

Осторожно Олеся спросила:

– Мы едем на войну?

Габор повернулся к ней, закрепляя на предплечьях странные наручи. Кажется, это были футляры для толстых металлических стержней. Во что она ввязалась?

– Мы едем в лес. Зимой. Накануне Проводов Старого года. А зимний лес – это территория Крампуса. Я должен тебя защитить. С нами не будет отряда солдат.

Олесе стало страшно. Крампус, сколько бы она о нем ни слышала, все еще оставался для нее мифической угрозой. Но Габор говорил о нем слишком серьезно.

– Тогда почему нам не взять с собой солдат?

– Вдвоем у нас есть шанс проскочить незаметно. Но вооруженная армия вряд ли останется незамеченной. Ты все

еще можешь остаться здесь. — Он поднял бровь, то ли сомневаясь в ее смелости, то ли провоцируя на что-то.

Но Олеся и не считала себя храброй или бойкой. Она была трусихой! И соваться в жуткий лес на верную смерть... было по меньшей мере глупо.

Но ведь Габор собирался ехать. Один. А ей вдруг захотелось стать отчаянной. Ну когда еще в жизни случится такое приключение? Да и лучше быть в лесу с ним, чем остаться одной в крепости.

— Ты готова? — Он придиричиво оглядел Олесю и тоже облачился в плащ.

— Да.

— «Да, мой господарь». — Он подошел к ней вплотную, очертил пальцами линию подбородка. — Так слуги обращаются к своему хозяину.

— Как быстро меня понизили с любовницы до служанки... — Когда палец Габора скользнул по ее губам и надавил, побуждая впустить в рот, она слегка прихватила кончик зубами и тут же отпустила. — Так слуги тоже делают?

Влажным пальцем он снова провел по ее губам:

— Слуги делают все, что я прикажу. Они стремятся угодить своему хозяину.

— Наверное, им приходится несладко. Ведь их хозяин такой привередливый. — Олеся коснулась кончиком языка шершавой и чуточку солоноватой кожи.

Ладони Габора легли на ее обтянутую мягкой кожей брюк

попку. Пальцы впились в упругую плоть. От этой грубоватой и такой примитивной ласки внизу живота завязался тугой болезненный узел.

– Да. – Голос Габора снова охрип. – У их хозяина особые запросы. И им нужно сильно стараться, чтобы их удовлетворить.

Олеся отступила, вырываясь из плена его рук. Наверное, Габор не ожидал, что она отойдет, поэтому легко ее отпустил.

– Что ж... Я за вас спокойна, господарь: целый штат слуг сможет удовлетворить любой из ваших капризов.

– Я вижу, ты не знаешь, зачем тебе нужен язык... – Габор убрал с ее лица выбившуюся прядку. – Придется объяснить. А потом наказать... за дерзость.

Олесю охватило невиданное прежде возбуждение. Их перепалка, наполовину шуточная, наполовину серьезная, была словно огнем, поджигающим ее тело и душу. Она уже не желала никуда ехать. И бессонной ночи как будто не было. Хотелось затеряться в этом человеке. Пропасть в нем и его ласках. В его страсти и теплоте тела. В его душе. Он сказал, что она принадлежит ей?

Но Олеся пока не чувствовала себя способной разгадать и понять таинственного господаря. Он по-прежнему был самым непонятным человеком, которого она когда-либо встречала. Загадочным. С ворохом секретов, которых хватит на сотню жизней.

– Господарю нравится наказывать? – Во рту пересохло, и Олеся с трудом шевелила языком.

– Да. Очень нравится. Для этих целей у меня есть особое подземелье. И цепи... Ты ведь к ним равнодушна, если я правильно помню?..

Габор улыбнулся. Но не по-доброму. Опасная коварная улыбка, от которой стало и страшно, и нестерпимо горячо. Он помнил ее слова перед поездкой в деревню.

Олеся поняла, что оказалась в ловушке, в которую сама же себя и загнала. С Габором было так легко забыть про все запреты и стыд. Она легко могла откинуть стеснение, превращаясь в одержимую этим мужчиной нимфоманку. Но ей было необходимо еще кое-что: его сердце и душа. Как понять, что вчерашние слова – не просто красивые фразы, а правда?

– Да, цепи – моя слабость. – Олеся облизнула губы.

Взгляд Габора, тягучий и томный, остановился на них.

– Нам пора отправляться.

Вот и все. Все?! Олеся тяжело дышала, пытаясь сдержать разочарование и рвущий душу крик. Габор еще ниже надвинул капюшон ей на глаза, проверил свое оружие и направился к двери.

– Учти: хоть одно слово, сказанное без моего разрешения, и ты останешься здесь. Для всех – ты мой слуга, который будет сопровождать меня в поездке в деревню.

Олеся кивнула:

– Я все поняла. Понял. – Она постаралась говорить тише

и ниже.

Что ж за мальчика-слугу может и сойдет.

Габор как-то странно взглянул на нее, вновь сжав губы в узкую линию. На лбу проступила длинная глубокая морщина. Кажется, он на что-то злился, но Олеся никак не могла понять, на что именно.

Он покачал головой и отвернулся.

– Следуй за мной.

– Слушаюсь, господарь.

– Молчи-и-и...

Олеся послушно захлопнула рот, понимая, что сейчас не лучшее время для споров. Интуитивно она чувствовала, что Габор злится, вот только не понимала, на что именно.

Он быстро шел по коридорам, и Олеся старалась не отставать. Но все равно вертела головой по сторонам, рассматривая прежде незнакомые лестничные пролеты и открытые галереи.

Все-таки здесь было невероятно красиво. Сначала замок казался ей неуютным и пугающим. Холодным. Сейчас же Олеся смогла разглядеть его суровую мрачную красоту. Она была повсюду. В стенах, украшенных барельефами драконов, Крампуса и лесов. В стрельчатых окнах с яркими витражами. В огромных напольных подсвечниках в виде деревьев и в люстрах, подвешенных на толстых длинных цепях. В них, наверное, было не меньше тысячи свечей.

Олеся не могла отвести взгляд от всей этой красоты. И в

то же время она понимала, что Габор здесь на своем месте. А вот она... Сможет ли она стать достойной его? Пока она вела себя, как чокнутая истеричка. Габор все это терпел и даже спускал ей многое. Но она и не была его женой. Жена...

Он ведь имел в виду именно это? Почему-то она не ощущала себя женщиной, уже побывавшей замужем. Вроде бы не должна испытывать странного волнения и предвкушения. Но ощущения были такие, словно все происходит впервые.

– Габор!

Олеся аж подпрыгнула. Навстречу им спешила Адрианна. Женщина выглядела взволнованной и едва ли не плакала.

Габор остановился, и Олеся не придумала ничего лучше, как спрятаться за его спиной. Замерла, уставившись в пол, надеясь, что Адрианна не разглядит ее лица.

– Куда это ты собрался?

– Я должен отчитываться перед тобой? – Его тон снова был холодным и высокомерным.

Вот он – настоящий господарь. Зря Олеся думала, что сможет привыкнуть к этому миру. Возможно, у нее получится приспособиться, но жить рядом с мужчиной, который настолько холоден даже к родным... Она не выдержит. Ей нужны эмоции. Бушующие страсти. Сумасшествие. Его равнодушие ее попросту убьет.

– Нет. Нет, конечно не должен. Но ты мог бы мне хоть немного помочь! До приезда короля осталось сколько? Дня три? А еще ничего не готово! – Она обвела рукой простор-

ный зал. — Я уже сбилась с ног...

Они с Габором только что спустились с крутой лестницы и сейчас стояли в огромном зале с улетающим вверх потолком. Полукруглый свод был так высоко, что казался едва ли не небом. И он был расписан...

Олеся не удержалась и немного приподняла голову. Лес, горы... Уже знакомый олень. Воины в доспехах. Крампус, выглядывающий из-за дерева. Дракон на скале. Демоны, склонившиеся над котлом. Дети, заблудившиеся в лесу. И все эти картины были пронизаны волнами лент, на которых было что-то написано.

Олеся сжала кулаки. Ну почему ей так не везет?! Почему может говорить, а написанное не понимает?

— Ты со всем прекрасно справляешься. Все слуги в твоём распоряжении. Мои люди знают, что делать. Я уже отдал им все необходимые распоряжения.

— Я и вижу! Они совсем не так украшают замок, как раньше. И все, как один, твердят, что это твой приказ.

Только сейчас Олеся заметила суесящихся людей. Одни натирали полы, другие разбирали огромные связки еловых ветвей.

— Да. Тебе нужно лишь все контролировать.

Несколько человек устанавливали по периметру зала искусственные деревья. Они были абсолютно голыми, с неестественно скрюченными стволами и завернутыми в спирали ветками. На эти ветки долговязый мальчишка крепил белые

фонари со свечами внутри, а две служанки повязывали красные и белые шелковые ленты.

Казалось, что их окружает нереальный сказочный лес.

– Но куда ты собрался? И кто это с тобой?

Не скрывая любопытства, Адрианна заглянула Габору за спину.

– Адрианна, мои дела тебя не должны волновать. Твоя единственная забота – украшение крепости.

– Очень плохо, что это только моя забота. Он везет с собой дочь. Ты не можешь не понимать, что это значит!

– Адрианна... – Габор буквально прорычал имя сестры.

По коже прошел озноб от нехорошего предчувствия. Почему он не дает ей договорить? Что такого в том, что король едет с дочерью? Отмечать праздники с семьей – это нормально. Но в глубине души уже зрело подозрение.

– Ты должен быть здесь! И стараться ей понравиться. Хотя она и так давно влюблена в тебя. А вместо этого отправляешься неизвестно куда неизвестно с кем!

Олеся закусил губу, чтобы не всхлипнуть. Сердце болезненно дернулось в груди.

Габор схватил сестру под локоть и проскрежетал:

– Чтобы я больше ни слышал от тебя ни слова о короле.

– Н-но-о-о...

– Ни слова!

Адрианна обиженно надула губы и опустила голову. Олеся сжала кулаки. Пальцы дрожали, как у наркоманки. А ведь

она ею и была. Конченная девица, у которой отбирают любимый наркотик, и нет шанса даже на последнюю дозу. Наркотиком был Габор. Вызвал у нее привыкание после первого же употребления. И теперь он – все, что ей нужно.

Вода, еда, сон ничего для нее не значат, если нет его. А он готовит замок к приезду принцессы. Своей будущей жены. Выходит, все было неправдой? Конечно. Зачем ему нужна какая-то безродная девчонка в теле сумасшедшей жены брата, когда есть принцесса?! И возможность стать королем. С ней можно спать и играть словами. Лишь для этого она хороша.

А для королевской дочери он готовит особый прием и как-то по-новому украшает замок. Наверное, будет стыдиться, что имел такую любовницу.

Боже... она грубила будущему королю! И что теперь будет? Лишь бы не отдавал Миклошу. А со всем остальным она справится. Скорее всего. А может и нет. Возможно ли умереть от тоски по другому человеку? Кажется, скоро ей предстоит это проверить.

- Прости, брат. Я лишь беспокоюсь о тебе.
- Ты уже достаточно побеспокоилась.
- Ты ведь можешь стать ко...
- Довольно! Что в моем приказе было непонятно?
- Я...
- Что, я спрашиваю? – Голос Габора эхом разнесся по залу.

Олеся вздрогнула. Глаза предательски щипало, и пришлось часто-часто заморгать. Дурочка... Позволила себе надеяться. А ведь знала, что нельзя.

– За мной!

Она не сразу поняла, что Габор обращается к ней. Попытка не расплакаться отнимала все силы. А черная ярость застилала глаза пеленой.

Лишь когда Габор отошел на несколько метров, Олеся поняла, что стоит напротив красной от злости Адрианны.

– Ты что, уснул?!

Олеся забыла об осторожности и посмела прямо встретить его тяжелый его взгляд.

– Оглох? Я тороплюсь. Шевелись.

Конечно! Она ведь мальчик-слуга. Вовремя господарь напомнил о ее месте в его жизни. Вот только во взгляде Габора бушевала такая буря, что ее начали одолевать сомнения. Ну не может равнодушный расчетливый мужчина смотреть так на случайную любовницу.

А может ей просто хочется видеть в его взгляде больше, чем там есть? Вдруг причина его ярости в том, что она случайно узнала о его планах? Но стал бы он возиться с любовницей...

Олеся не знала, что думать. Надежды, страхи, предположения – все сплелось в причудливый клубок, который она не могла распутать.

Оставалось лишь покорно опустить голову и следовать за

Габором. Они прошли через каменную арку, украшенную пушистыми еловыми лапами и ветками остролиста. Замок преображался, готовясь к празднику. Но у Олеси еще никогда не было так мрачно на душе.

Мрачно. Горько. И страшно.

Она послушно вышла за Габором в запорошенный снегом двор. Хрустящая поземка покрывала каменные плиты белоснежным кружевом.

С каким-то маниакальным удовольствием Олеся разрушала снежные узоры толстой подошвой сапог. Габор все так же шел впереди и не спешил с ней заговаривать. Опасался, что их могут подслушать? Или пытался отсрочить неизбежное объяснение? О, пусть не переживает. Она не будет устраивать ему сцен и истерик. Хотя, почему это не будет?! Он должен получить сполна за свой обман. Но был ли то обман?

В какой-то миг Олесе захотелось стать сумасшедшей Маргит, которая не знала ни одного из миров, кроме мира своих фантазий и выдумок. Ни привязанностей, ни чувств, раздрающих душу, ни мыслей, способных свести с ума.

Лошади уже ждали. Угрожающего вида бородатый старик держал их под уздцы. Габор забрал у него поводья и кивнул. Старик немного ссутулился и молча направился в сторону. Он не выказал Габору никакого почтения, даже не поклонился. Ни слова не сказал.

Олеся удивленно смотрела ему вслед. Обычно в присутствии великого господаря все слуги старались уменьшиться

в размерах и едва ли не падали на колени, чтобы угодить.

Сильные ладони обхватили ее талию и потянули вверх.

– Ногу в стремя.

Олеся выполнила равнодушный приказ и через секунду уже сидела в седле. Было жутко непривычно смотреть на мир с такой высоты. И страшно. Конь под ней перебирал ногами и водил головой из стороны в сторону. Из широких ноздрей вырывался пар. Жуть какая-то!

Габор поправил седельную сумку и легко вскочил в свое седло. Олесе даже показалось, что он взлетел – так быстро и легко gospodarь двигался.

Хотя чему она удивляется? Он идеален во всем. Вряд ли у принцессы был хоть один шанс устоять перед таким мужчиной. У Олеси вот точно не было.

Габор взялся за поводья ее лошади, и Олеся едва не выпала из седла, когда та сделала шаг вперед. Пришлось вцепиться в луку, потому что перед глазами все шаталось и плыло.

Габор умело управлял обеими лошадьми, ведя их к неприметной каменной арке в толстой стене. Возле прохода стояли два стражника, которые поклонились ему.

Едва они выехали наружу, как стражники захлопнули тяжелые двустворчатые двери, как будто отрезали путь назад. Олеся уставилась в спину Габора. Он молчал и даже не оборачивался к ней. Хоть бы проверил, не выпала ли она из седла. Наверное, всем будет легче, если она грохнется где-то по дороге. Сразу столько проблем решится. И оба брата от нее

наконец избавятся.

Олеся ненавидела это острое чувство жалости к самой себе. Она ненавидела судьбу, которая раз за разом оказывалась к ней так несправедлива.

За этими мыслями она и не заметила, как они с Габором въехали в лес. Он оказался неожиданно близко к крепости, подступал к самым стенам. За пушистыми елями, покрытыми толстой снежной шубой, уже не было видно ни кирпичика.

Олеся осмелилась нарушить тишину:

– Я такая глупая...

Габор резко обернулся к ней. Оглядел цепким взглядом окрестности и сурово взглянул на нее.

– Будешь трепать языком, вернешься обратно в крепость. Пешком.

Олеся понизила голос:

– Не буду, если ответишь на вопрос: принцессе ты так же ответишь, если она посмеет сказать что-то не вовремя?

Габор остановил лошадей и спрыгнул на землю. По его лицу ничего нельзя было понять. Только глаза жутко сверкали. На какой-то миг Олесе стало страшно до ужаса. Может, не только Миклош желает от нее избавиться? Вдруг Габору она тоже не угодила. И вот они одни. Вдвоем в лесу. Позади стоят часовые – угрожающие ели в белых доспехах. Впереди – непроходимая черно-синяя чаща. Повсюду – голые деревья с черными стволами. Как будто скорченные в муках

грешники, попавшие в ледяной плен ада.

Габор сжал ее талию и резко потянул вниз из седла. Олеся тихонько вскрикнула, готовясь упасть в холодный сугроб. Но Габор удержал. Крепко прижал ее к себе и только потом поставил на землю.

И все это затем, чтобы тут же пересадить ее на своего коня, и по-прежнему молча устроиться позади. Олеся вздрогнула, когда к спине прижалось твердое тело Габора. Он заключил ее в кольцо сильных рук, взялся за поводья и направил скакуна в мрачные заросли.

Олеся заставляла себя сидеть ровно и прямо, не прижиматься к нему. Но Габор был таким теплым, а ей всегда не хватало тепла и силы надежного мужчины.

Вот как она о нем уже думает: надежный. И это спустя полчаса после того, как узнала, что он скоро женится на другой. Ну и ду-у-у-ура.

Они медленно продвигались вперед, рядом спокойно брела и ее лошадка.

Олеся осмелилась нарушить тишину:

– Думаешь, что если буду сидеть вместе с тобой, то растаю, потеряю голову и забуду про то, что ты скоро женишься на другой?

Его голос звучал тихо. Обволакивал мягкой лаской.

– Так намного удобнее и быстрее. В крепости кто-то мог увидеть нас. В окно, например. Согласись, странно, что мой слуга, которому я доверяю настолько, что беру в лес, не уме-

ет ездить верхом. И сколько бы ненужных разговоров пошло, усади я перед собой какого-то мальчишку. Хотя... — Его ладонь легла на ее бедро, медленно погладила и сжала. — Ты выглядишь в моей одежде так, что я думаю только о том, как спускаю с тебя штаны и долго трахаю.

Олесю бросило в жар от его слов. Она вскинула голову и взглянула на Габора. Он смотрел на нее так, словно ничего вокруг не существовало. Будто была только она и видел он только ее.

— А как же принцесса? — Олеся отвернулась и уставилась в таинственную синеву чащи.

Пальцы Габора впились в ее бедро.

— Сейчас тебе лучше молчать.

— Как прикажете, мой господарь.

Он напрягся. Олеся почувствовала это. Ощутила всем телом, как грудь Габора стала тверже. За спиной как будто выросла стена.

Он обнял ее одной рукой за талию, прижимая к себе еще сильнее. Олеся почувствовала, как вплавляется в его тело.

Голос Габора прошелестел мягкой лаской у уха:

— Мне нравится, когда ты такая послушная. Очень сильно нравится...

От малейшего движения с веток сыпался снег. Легкие снежинки танцевали в воздухе, создавая нереальную, почти сказочную, атмосферу праздника. Олесе и хотелось бы веселиться, предвкушать чудеса. На пару часов забыть обо всем и

снова поверить в волшебство, которое никогда не случится. Но она понимала, что ее прекрасной сказке пришел конец.

Казалось, что они едва плетутся, но лес совсем сгустился, а на снегу не было даже птичьих следов. Они заходили все дальше в чащу, в непроходимое переплетение ветвей. Деревья росли часто и густо. Настолько, что над головой образовался купол, который едва пропускал свет.

Не оборачиваясь к Габору, Олеся тихо спросила:

– Может, поищем дом того старика?

Тело Габора знакомо окаменело.

– Какого старика?

Олесю не обманул его деланно равнодушный тон. Она слышала злые суровые нотки, чувствовала сдерживаемый гнев.

– У которого я пришла в себя. Я ведь тебе говорила. Он оставил меня у дороги.

– Кроме Бражены в лесу никто не живет. – На этот раз она отчетливо слышала ярость.

– Может, он из деревни? Думаю... если бы увидела его, то смогла бы узнать.

На самом деле она и думать забыла о таинственном старике. Да и возвращаться в свой мир совсем не хотелось. И даже не из-за того, что там она, возможно, давно уже мертва.

Просто здесь был Габор. А там... Там – пустота и бесконечные часы одиночества. Она столько времени ждала. Мечтала. Представляла. Дед Мороз подарил ей самую настоя-

щую сказку. С замком. Правда, немного жутким и с кучей загадок, но таким величественным и неприступным. Со злодеями и фантастическими существами. И с Габором. Он не тот мужчина, которого она загадывала. Он лучше.

И, наверное, поэтому сейчас так отчаянно искала способ его спровоцировать. Она хотела услышать, что она для него единственная. Что он сходит с ума и никому ее не отдаст. Что принцесса для него ничего не значит, и он обязательно найдет способ избежать этой свадьбы.

Она хотела этого мужчину себе. Только себе. Олеся и предположить не могла, что в ней живет такая одержимая собственница. Кажется, она готова была пойти на все, чтобы не делиться Габором ни с кем.

А что если... Что если подстроить так, чтобы принцесса увидела их вместе? Должна же быть у нее женская гордость?

Но вдруг Габор сам хочет этой свадьбы? Просто рассчитывает, что у него будут и жена, и любовница?

– Нам некогда искать старика, которого, возможно, и не существует. Тебе могло просто показаться.

Рука на ее талии сжалась крепче. Олеся твердо решила спровоцировать Габора хоть на что-то, вывести из себя и заставить проговориться о своих планах и намерениях.

– Мне не показалось. Он точно был. Наверняка он живет рядом с дорогой к твоей крепости.

– Я уже сказал: в лесу живет только Бражена.

– Но мы можем хотя бы попытаться. Может, он поселился

тут, когда ты был в столице?! Вдруг он сможет вернуть меня обратно? Глупо упускать такой шанс.

Кажется, ей все-таки удалось его немного разозлить.

Сквозь зубы он проскрежетал:

– Ты. Никуда. Не вернешься. Забудь про это.

– Меня здесь ничего не держит.

– Серьезно? Ничего? Хочешь сказать... все, что было, для тебя ничего не значит?

Олеся сжала кулаки. Да как он может?! Шантажирует ее. Но ведь это к нему едет невеста!

Стараясь задеть Габора как можно больнее, она холодно произнесла:

– Было... хорошо.

Он рывком развернул ее к себе, и Олеся едва не свалилась в снег.

На лице Габора была написана такая неподдельная ярость, что впервые рядом с ним ей стало по-настоящему страшно. Черты его лица исказились так сильно, что проступило нечто... как будто звериное. Глаза стали какого-то невероятного оттенка. Насыщенного, темно-серого, почти черного – как карандашный грифель. И в них мерцали серебристые точки. С ним что-то происходило. Что-то нечеловеческое...

Олеся задрожала, когда он слегка приоткрыл губы. Оскалился, словно хищник. В какой-то момент Олесе показалось, что сейчас он вцепится ей в горло.

Она шумно сглотнула, чувствуя, как тело покрывается му-

рашками страха. Ледяной холод легко пробрался под одежду – больше ее не грело тело Габора.

Он обманчиво нежно погладил пальцем ее горло, провел подушечкой вниз, отодвигая край плаща, и надавил на выемку между ключицами. Его бешеный взгляд не отпускал ее, приковав намертво.

Сейчас впервые Олеся четко осознала: он способен на все. На убийство, на пытки, на заговоры и интриги. Абсолютно на все. И с ней он проявлял чудеса выдержки и терпения. Но кажется сейчас она разозлила его по-настоящему.

В лесной тишине его голос звучал угрожающе вкрадчиво и страшно:

– Ты чего-то не поняла, Олеся... Я объясню в последний раз и больше повторять не буду. Не хочешь по-хорошему, по-хорошему и не будет. Я предлагал тебе стать моей женой, но, если тебя это не устраивает, то есть еще роль моей... рабыни. Ты останешься здесь. Либо по доброй воле, либо прикованная цепями и ожидающая, пока я не захочу тебя навесить. У тебя будет много времени, чтобы понять, насколько нам... «хорошо». – Он издевательски изогнул уголок губ. – Тебе все ясно?

Ее начало потряхивать от угрожающего тона и тех слов, которые он произнес. словно стал другим человеком. Внутренний голос испуганно прошелестел: «Нет. Он всегда таким и был. Просто тебе показывал лучшую свою часть. А ты умудрилась раздражить сидящего в нем демона».

При воспоминании о демоне в животе что-то сжалось. Какая-то смутная догадка, подозрение... Разрозненные куски головоломки лежали прямо перед ней, но она никак не могла собрать их вместе. Не хватало вроде бы и крошечных, но безумно важных фрагментов.

Стараясь не злить его еще больше, Олеся тихо ответила:
– Да.

Его палец переместился, скользнул по ее губам и надавил на нижнюю:

– Да, мой господарь.

Олеся кивнула, все больше пугаясь его тихого вкрадчивого голоса. Кажется, она допустила ошибку. Разозлила. Но в чем причина? Он так сильно не хотел, чтобы она уходила? Или ему просто понравилась новая игрушка?

Габор сжал ее подбородок и приказал:

– Повтори!

Расширившимися от ужаса глазами она смотрела на него. Что, что она должна повторить? Когда до парализованного мозга стало доходить, ее едва не скрутило пополам от ярости, возмущения и... страха.

Все еще в плену его ладони, она тихо выдохнула:

– Да, мой господарь.

Он надавил на ее губы большим пальцем и протолкнул его в рот. Коснулся зубов, скользя дальше.

Новый приказ он отдал хладнокровным равнодушным тоном:

– Оближи.

Олеся снова сглотнула вязкую слюну. На этот раз от обиды и унижения. Невольно коснулась языком кончика его пальца и тут же прижала его к небу.

На щеке Габора дрогнул желвак. Глаза опасно сузились, белых искорок в радужках стало еще больше. Загипнотизированная страхом, Олеся следила за тем, как они взрывались, подобно звездам и рассыпались на крошечные пылинки. От этого казалось, что в его глазах бушует ураган.

– Твой господарь приказал тебе... Ты не услышала? Или не поняла? – Его голос стал еще тише.

Опасный, страшный, но бархатисто-вкрадчивый. Как будто он завораживал свою жертву, чтобы через секунду лишить ее жизни.

Именно жертвой Олеся сейчас себя и ощущала. Несмело коснулась его солоноватой холодной кожи языком и слегка погладила. Она чувствовала себя униженной этим приказом. Растоптанной. Не хотелось думать, что она сама виновата в происходящем.

Просто... просто он показал себя перед ней таким, каким и был на самом деле. Выпустил на волю того Габора, о котором все и говорили. Холодного, жестокого, беспринципного. А тот, которого она знала, – лишь маска, личина. И, наверное, он использовал всю свою силу воли, чтобы казаться рядом с ней другим.

– Ты недостаточно усердна. – Он уже откровенно издевал-

ся над ней.

Начал вводить палец ей в рот и тут же убирать, имитируя движения бедер. Олесе захотелось плакать от унижения. И от желания, которое помимо воли разгоралось внутри. Она заставляла себя ненавидеть его и то, что он творит, но тело жадно отзывалось на каждое мимолетное касание, узнавая ласки желанного мужчины.

Кровь затопила лицо и шею. Щеки пылали, и, кажется, он это видел. По чувственным губам скользнула ухмылка.

– Мне долго ждать? – Он резко толкнул палец в рот, нанося язык, погладил подушечкой.

Олесе не оставалось ничего иного, как обвести его и сжать губами, слегка всосать, хоть он этого и не приказывал. Приказы... Она уже ждет и готова их исполнять. Как быстро она станет его послушной рабой?

Ей было неудобно сидеть полубоком, спина затекла, а между бедер становилось тяжело и горячо. От этой мысли щеки вспыхнули огнем.

Габор вдруг убрал палец и тоже его облизнул.

– Я почти уверен, что если опущу руку, то почувствую, что ты уже мокрая. Мы будем это проверять?

Олеся судорожно замотала головой. Новая ухмылка больно резанула по сердцу.

– Как ты должна мне ответить?

– Н-нет... – Заплетающийся язык не слушался, словно она опьянела и с трудом могла говорить.

Габор вздернул бровь:

– Как ты должна отвечать?

Боже, да чего он от нее хочет?! Олеся тяжело вздохнула, наполняя грудь воздухом. Легкие тут же опалило колючим морозом. До этого момента она не ощущала холода, раскаленная внутри словно металл.

– Нет... мой господарь.

Габор кивнул. Не дрогнул ни один мускул. Он снова развернул ее спиной к себе и взялся за поводья.

– Хорошо. Оказывается, ты все-таки понятливая. – Габор чуть наклонился и понизил голос почти до шепота. Горячее влажное дыхание опалило словно вулканический выброс: – Сейчас мы едем к Бражене. Ты молчишь, пока я не разрешу открыть рот. И делаешь только то, что я говорю. Все понятно?

Олеся кивнула. Но он снова жестко сжал ее подбородок и грубо развернул к себе:

– Я не слышу.

Сцепив челюсти, она сквозь зубы проговорила:

– Да, мой господарь.

Он лишь улыбнулся. Холодно. Расчетливо. Кивнул и слегка ударил поводьями коня.

Олеся ужаснулась тому, какого монстра пробудила.

Глава 3

В душе все постепенно леденело, и уже нельзя было сказать, где холоднее: в мрачном сумрачном лесу или у нее внутри. Олеся сидела прямо, боясь пошевелиться. Как могла, она отодвигалась от Габора, но сделать это в седле было невозможно.

При каждом движении лошади его бедра терлись о ее, грудью и животом он слегка толкался в ее спину, горячее дыхание все время овевало уши и шею.

Это была самая настоящая пытка. Ехать вот так, рядом с ним, сходить с ума от желания, страха и непонимания.

Олесю начала бить лихорадка. Холод зимы пробирал до костей, но жар Габора опалял огнем. Неужели теперь между ними будет только так?

Олеся покачнулась в седле, и сильная рука Габора тут же обвила ее талию, накрепко прижимая ее к твердой горячей груди. Она попыталась отстраниться, вырваться, но Габор лишь сильнее надавил.

– Сиди смирно и не дергайся.

Ее так и тянуло съязвить и сказать какую-нибудь гадость. Аж трясло. Но, прикусив язык, Олеся заставила себя молчать. Он хочет играть в молчанку? Она подыграет. Ему нужна рабыня? Он, черт возьми, ее получит! Но по своей воле она к нему даже не прикоснется.

Внезапно в лесу потемнело. Мрачное совиное уханье напугало до дрожи. Пальцы Габора распластались на ее талии, ошутимо впиваясь в кожу. Олесе нестерпимо хотелось обернуться и заглянуть в его глаза, в его лицо.

Но все мысли в голове замерли, пораженные увиденным.

Они продвинулись глубоко в лес. Сюда едва-едва проникал свет. Из-за блуждающих теней казалось, что между деревьев бродят призраки. С детства знакомые сосны и ели казались жуткими монстрами, вышедшими нести дозор.

Олеся потрясенно разглядывала деревья, мимо которых они проезжали. Среди пушистых еловых лап темнели обрывки тканей. Некоторые выцвели, другие – все еще хранили узорчатую вышивку, третьи вообще казались обычной мешковиной.

Олеся все-таки не удержалась и прошептала, указывая на торчащую среди хвои темно-красную ленту:

– Что это?

Габор сурово ответил:

– Не смотри по сторонам.

От его слов стало только хуже. Взгляд сам собой возвращался к странным тряпицам, то и дело выглядывавшим из густой хвои.

В какой-то момент ее нервы сдали:

– Господарь решил избавиться от меня, завезя подальше в чащу? Чтобы не досаждала своей болтовней и не мешала жениться на принцессе?

Лишь договорив, она поняла, что сболтнула лишнего. Даже сейчас, сходя с ума от страха и неизвестности, она не могла сдержать рвущуюся наружу ревность. Ревность к мужчине, который совсем недавно назвал ее рабыней.

Он понял. Конечно, он все понял...

– Думаешь, что можешь помешать мне жениться? – Его насмешливый тон болью отозвался в груди. – Ты слишком много на себя берешь, иномирянка. Нам всего лишь было... хорошо. – Ей даже не нужно было видеть – она прекрасно расслышала усмешку в красивом голосе.

Ее собственные слова вернулись к ней острыми кольями, вонзенными прямо в сердце. Хуже всего было то, что она понятия не имела, почему он так сказал. Потому что ему было обидно это услышать от нее? Она задела мужскую гордость? Или он решил пошутить над ней? Ведь прошлой ночью он говорил, что она украла его душу...

Горькое признание само вырвалось наружу, не спрашивая разрешения:

– Наверное, я снова ошиблась...

Она сказала это себе, не ему. Но Габор вдруг слетел с коня и вытащил ее из седла так грубо и неожиданно, что Олеся едва не полетела кубарем в снег.

Но он легко ее поймал, схватил за плечи и потрянул.

– Не смей сравнивать меня с ним.

Она даже не удивилась, что он понял. Он был чертовски умен. И хитер. И, как оказалось, жесток. Олеся не знала, что

еще скрывается за его мужественным лицом, но подозревала, что не хочет этого знать. Он оказался слишком сложным для нее. Для простой девушки, жившей в крошечной квартирке и мечтавшей о тихом спокойном счастье.

– Нет... – Она попробовала встать на цыпочки, но лишь глубже увязла в холодном снегу. – Ты в миллион раз хуже. Ты... – Олеся просто не знала, какими словами выразить все, что у нее на душе. И возможно ли это вообще как-то объяснить. – Ты такой... Я даже не думала, что такие существуют. Ты ведь во всем лучший. Совершенный! Идеальный... – Ее голос сорвался на хриплый придушенный шепот. – Ты лучший, и ты знаешь об этом. К твоим ногам упадет любая, какую ты только пожелаешь. Сама принцесса. А кто я? Меня ведь... меня ведь здесь даже не существует. Кого я заменила, попав в твой мир? Жenu твоего брата. Сумасшедшую. Почему не чертову принцессу?! – Последние слова она уже едва ли не прокричала, оскверняя почти священную тишину.

Габор больно сжал ее плечи, вплотную притянул к себе и вдавил в свое тело. Олеся задохнулась. Дышать стало тяжело. От него хлынул такой нестерпимый жар, что лес показался пылающим адом, а не ледяной чашей.

– Ты до сих пор не можешь понять одного, иномирянка: если я чего-то хочу, то я этого добиваюсь. Любой ценой. А хочу я тебя. Возможно, я худший, кого ты встретила в этом мире. Возможно, худший, кого ты знаешь в обоих мирах. Но ты будешь моей. И ни принцесса, ни король не помешают

мне.

Олеся судорожно вдохнула морозный воздух, смешавшийся с его ароматом, едва ощутимым, но таким важным. Она все еще боялась его. Габор смотрел на нее... с ненавистью. Со странной, затаенной в глубине глаз болью. Серая сталь немного отступала, возвращая место ярким голубым краскам, но все-таки... Сейчас, именно сейчас она видела его настоящего. И этот настоящий Габор вызывал у нее совершенно противоположные чувства. Он пугал. До ужаса. И он завораживал. Манил узнать его секреты. Его тайны. Раскрыть их.

Олеся помотала головой, вцепилась в его плащ, судорожно сминая ткань:

– Я не смогу так, понимаешь? Не смогу... Быть твоей... любовницей. Знать, что от меня ты пойдешь к ней... Что будешь делать с ней то же, что делал со мной.

Ну вот, она наконец призналась. Это было не так сложно. Нет. Это было одуряюще больно. Как будто чьи-то когти впивались в ее сердце и тянули из груди.

Габор криво усмехнулся. Его губы изогнулись соблазняюще-порочно, как будто он наслаждался ее слабостью. Олеся вновь пробрала дрожь.

Его глаза сверкнули:

– Мне нравится, что ты ревнуешь... Никогда не думал, что это может так пьянить... – Он коснулся пальцем ее скулы, мазнул по щеке и снова дотронулся до губ. – Твоя ревность...

меня возбуждает...

Господи, что он такое говорит?! Олеся попробовала вырваться из его рук, но хватка была стальной. В бессилии она ударила кулаками по его мощной груди.

– Ты не понимаешь! Мне больно! Больно!

Он резко толкнул ее спиной к шершавому толстому стволу.

– Это ты не понимаешь. И не слышишь. Вчера я все тебе сказал. Ты. Ты будешь моей женой. Только ты. Моей любовницей. Моей рабыней. Моей женщиной. Моей. Только ты. – Тяжелый взгляд въедался в самую душу. Он действовал дурманяще, заползал в голову туманом и лишал рассудка.

Его слова разливались внутри сладкой отравой. Олеся жадно хватала ртом воздух, пытаясь понять, что он только что сказал...

– Но... Но она же принцесса... Как можно отказать королю?

Габор стиснул челюсти. На щеках вновь заиграли желваки.

– Предоставь все проблемы решать мне. Это не твоя работа.

Олеся до боли закусила губу. Может, хоть это ее немного отрезвит и вернет рассудок. Мужчины ее мира поступали не так. Совсем не так. Они ждали, что женщины сами разберутся со всем, а потом еще и будут их ублажать.

Габор был совершенно другим. И ей никогда к этому не

привыкнуть.

Его взгляд стал темнее, сосредоточившись на ее губах. Едва ли не до крови Олеся вонзила зубы в мягкую плоть.

Габор покачал головой:

– Не порть свои губы.

Он наклонился и медленно лизнул набухшую от боли губу. Олеся тут же тяжело выдохнула. Не контролируя себя, подалась ему навстречу, задевая рукой длинную еловую лапу, тянущуюся к ней.

Раздался тихий свист рассекаемого воздуха. Мелькнуло алое грязное пятно, и за спиной Габора повисло нечто жуткое. Призрак, дух, демон. Олеся не знала...

Она вскрикнула, безуспешно пытаясь протолкнуть застрявший в горле ком. Потянула Габора на себя, в сторону. Пустые глазницы злобно следили за ней. Перед глазами от ужаса все поплыло.

Она старалась оттянуть Габора от зависшего в воздухе монстра, но он несдвигаемой скалой стоял между ней и призраком. Мелькнул мутный блик, и Олеся только сейчас поняла, что в его руке зажата сабля с длинным изогнутым лезвием.

От вида оружия стало только хуже. Это делало опасность реальной.

Габор закрыл ее своим телом, загораживая жуткое существо. Олеся опасно выглянула из-за его плеча, но в этот самый момент он взмахнул саблей, разрубая воздух. Повер-

женный враг упал в снег.

Едва шевеля вмиг замершими губами, Олеся пискнула:

– О-он у-умер?

Габор повернулся к ней. Его лицо было непроницаемо. Он наклонился и поднял со снега веревку, на которой болталось... Олеся быстро зажала рот рукой.

Сквозь пальцы тихо спросила:

– Что это?

Голос Габора остался невозмутим:

– Страшилище.

Олеся шагнула ближе:

– Это же... оно... не живое?

– Нет, конечно.

Габор пошел к ели, из-за которой эта жуть выпрыгнула, но Олеся вцепилась в его плечо, останавливая:

– Постой. Я хочу рассмотреть... Что это?

На почерневшей от времени длинной и толстой веревке висело... Олеся даже не знала, как назвать это. Кажется, лошадиный череп, на котором кто-то вырезал странные и пугающие символы. Сверху торчали две толстых ветки – что-то вроде рогов. Снизу непостижимым образом крепилось... Ну, это напоминало платье. Влажная и потемневшая от снега ткань с некогда красивым узором по подолу. Из рукавов выглядывали скукоженные птичьи лапки с острыми коготками.

– Кто это... его... сделал? – Олеся несмело коснулась пальцем грязной ткани.

Габор раздраженно махнул головой и отвернулся. Потянулся к ветке, которую Олеся так неосторожно задела, объял вокруг нее веревку и затолкал существо в самую глубь. Снаружи остался торчать только обтрепанный подол.

Увидь она подобное в своем мире, решила бы, что натолкнулась на каких-нибудь чокнутых сатанистов. Но здесь все имело свой смысл.

– Для чего это... Страшилище?

Габор развернулся к ней и с каменным выражением лица вложил саблю обратно в ножны.

– Пугать.

– Крампуса?

Он обхватил ее за талию и легко поднял вверх, усаживая в седло. Несмотря на пережитый страх и все еще гулко бьющееся сердце, она снова поразилась его силе и мощи.

– Нет, людей. – Габор вскочил в седло позади нее и снова прижался.

Олеся ненавидела себя за радость, которую ощутила, почувствовав за спиной его крепкую грудь. Ей все время хотелось прикасаться к нему. Трогать. Осязать. Как будто так она могла убедиться, что он настоящий, а не плод ее воображения. Мысли таяли от жара его дыхания и растекались ручейками. Напряжение после пережитого страха начало немного отпускать, и сосредоточиться от этого казалось все сложнее.

– Зачем пугать людей? Они и так в ужасе от всего происходящего.

– Это предупреждение для тех, кто зайдет в лес.

– Расскажи мне.

– Обязанность любого господаря – следить за благополучием своего народа. Справиться с демоном могут только обученные воины. Все ими быть не могут. Нужны ремесленники, крестьяне, обычные горожане. Всех их я должен защитить. Это обязанность любого господаря Бергандии. Есть то, что сделать могу только я.

Габор на несколько секунд замолчал. Олеся слышала, как тяжело ему говорить так много. Он с трудом подбирал слова и выцеживал их из себя через силу. Словно каждое из них давалось ему с невероятным трудом.

И все же это была не единственная причина. Он говорил, как будто с осторожностью... Тщательно обдумывая то, что хочет сказать. Олеся чувствовала, что есть целое множество тайн, которые он от нее скрывает. Но как их раскрыть? Как убедить его довериться?

Ведь если он скажет... тогда они точно будут связаны. Олеся знала, что это эгоистично, что это желание пришить его к себе общим секретом. Но иначе она не могла. Она хотела этого мужчину, чувствовала, что только с ним может быть счастлива.

Если только не будет темной пропасти лжи и тайн между ними. И этой неведомой принцессы.

Голос Габора мягким бархатом прошелся по коже:

– В большинстве своем крестьяне малограмотны и суе-

верны. Их очень легко напугать. Они стараются не заходить далеко в лес и с детства предостерегают от этого детей. Но всегда находится тот, кто считает, что может одолеть демона или даже самого Крампуса. А кто-то жаждет заключить с ними сделку. Первые господа Бергандии придумали, как с этим бороться. Во всех больших лесах есть Страшилища. Их вешают на границе, за которую лучше не выходить. Это как предупреждение, что идти дальше значит кликать беду.

Олеся немного обернулась. Его губы мазнули по уху, колючая щетина слегка царапнула кожу щеки. Так тяжело сосредоточиться, когда даже нечаянное касание заставляет дрожать, а чувства мечутся, как оголтелые, от ненависти до желания.

– Значит... их делают люди? Но как они могут помешать?

– Их делает сам господарь и его воины. Прячут в лесу, развешивая на деревьях так, чтобы казалось, будто из чащи кто-то следит за глупцом, который осмелился сюда прийти. Волей-неволей все, кто решается пройти дальше, задевают ветки. Тогда Страшилища... «выскакивают» на них. Мало кто будет разбираться, из чего они сделаны. Чаще всего это работает.

– О-о-о... – Олеся переваривала услышанное. – Значит, крестьяне понятия не имеют, что их тут ждет? Видят Страшилищ, пугаются и убегают?

– Да. Это спасает их жизни.

– Но разве еще никто не раскрыл этот секрет и не понял,

что это просто обманки?

– Ты все никак не поймешь, Олеся... – Нарочно или просто задумавшись, Габор погладил ее по животу. Каждым движением он распалял ее все больше, внося сумятицу в душу. – Те, кто зашел в лес дальше Страшилищ, не возвращаются. Они либо погибают от когтей и зубов демонов, либо становятся их слугами. Секрет Страшилищ никогда не будет раскрыт, потому что его некому раскрыть.

Кожа покрылась мурашками.

– Значит, демонов никак не победить?

– Нет. Они были здесь до нас. И будут после.

Габор сказал это таким тоном, что стало ясно: больше про демонов лучше не спрашивать.

Она решилась задать другой вопрос:

– Но ведь мы с тобой пересекли границу Страшилищ. Значит, демоны могут напасть на нас?

– Думаешь, я взял бы тебя в лес, если бы существовала такая возможность? Даже если они вдруг осмелятся напасть, я смогу тебя защитить.

– Ты так уверен в своих силах.

– Да, и ты должна быть в них уверена тоже. – Звучало это угрожающе. – Я – твой господарь, Олеся. И ты не можешь ставить под сомнение ни мои слова, ни мои дела.

Снова его тон стал тяжелым и властным. Таким, что лучше не спорить. Понимая, что ее положение здесь все еще шатко, Олеся сделала вид, что не слышала последних слов.

Она всматривалась в чашу, замечая все больше цветастых лоскутов между деревьев:

– Значит, то Страшилище сделал ты?

– Нет, его делал мой дед.

– А твои? Есть те, которых делал ты?

– Зачем они тебе?

– Просто интересно, что ты придумал.

Габор долго молчал, Олеся начала думать, что он и не ответит.

Наконец он произнес... Голос звучал приглушенно и задумчиво. Олеся расслышала в ровном тоне едва заметную грусть.

– Ты действительно необычная. Когда мать узнала, что мы с отцом сами их мастерим, она посчитала это глупостью. Сказала, что нам следовало поручить это дело кому-нибудь из крестьян. И она никогда не интересовалась, что смастерил я.

Олеся не совсем понимала, что делать с его признанием. Габор всегда казался ей... холодным. Суровым. Она с трудом верила в его чувства, считая, что ему просто комфортно с ней в сексе. Но, кажется, все было сложнее.

В его голосе было что-то такое... Похоже, он вообще был не самого высокого мнения о женщинах.

Олеся осторожно спросила:

– Разе это не перечеркивает всю идею Страшилищ? Ведь тогда крестьяне узнали бы, кто их на самом деле пугает.

Габор невесело усмехнулся:

– Ты намного умнее, чем она.

Его слова совсем не звучали как похвала.

– Жены господарей мало интересуются тем, что делают их мужья. Отец не посвящал мать в дела. Да она и сама не спрашивала. Ее занимали совсем другие вещи. Как и большинство женщин. – Его пальцы неожиданно снова накрыли ее подбородок и повернули голову к себе. – Ну же, скажи, что ты не такая, что тебя не волнуют мои деньги, мое положение, и тебе нужен только я. Соври что-нибудь. Вы же, женщины, умеете убеждать, когда вам что-то нужно.

Олесе стало до слез обидно. Она не понимала таких резких перемен в нем. То он убеждает ее, что она принадлежит ему, потом называет рабыней. Обещает взять в жены ее, а не загадочную принцессу, и тут же обвиняет в лицемерии.

Сморгнув слезу, которую так и не смогла удержать, Олеся тихо ответила:

– Мне нужно было домой. Это единственное, чего я хотела, пока не встретила тебя. Если ты хочешь услышать мою ложь, то вот она: верни меня обратно.

Кажется, Габор понял, что она хотела этим сказать. Она едва ли не согласилась на то, чтобы терпеть его унижения и положение бесправной любовницы, хоть это и убивало бы ее день за днем. Ей-то всего лишь и нужно было слышать от него, что она важна и любима. И те слова, что только она будет его женой, любовницей и рабыней, были лучше всех

признаний и обещаний в мире.

Но он опять думал о чем-то ей неведомом и непонятном.

– А если бы я хотел услышать правду? Что бы ты тогда сказала?

Смотреть в его опасные глаза было больно. Осмелившись, она решилась сделать шаг вперед. В бушующее море у стен его крепости. Один шаг в неизвестность. В пустоту. И он либо поймает ее и не даст упасть, либо подтолкнет к падению.

– Я бы сказала, что хотела бы...

Он сдвинул брови и сжал челюсти. На щеках проступили желваки. Кадык дернулся, когда он шумно сглотнул.

– Чего?

– Быть твоей любовницей, рабыней и женой. Всего этого.

– Как только вернемся... – Голос Габора сел и звучал надтреснуто, словно ему было больно говорить. – ... у нас будет брачная ночь. В твоем мире ведь существуют брачные ночи?

Олесю снова бросило в жар.

– Да. – Она заставила себя говорить, как можно спокойнее: – Но они происходят после свадьбы.

Габор улыбнулся:

– Я не смогу ждать до свадьбы.

Он так об этом говорил... Словно брачная ночь была чем-то важным.

Олеся отвернулась, снова всматриваясь в чашу:

– Никогда не понимала, зачем она нужна, если невеста уже не девственница. Это просто одна из ночей... Первая ночь в

новом статусе. Но не более...

Габор сильнее ударил поводьями:

– Мир, в котором ты жила, бессмысленный и глупый. Ты узнаешь, что такое брачная ночь. Со мной.

От того, как он это сказал, Олеся начала плавиться. Он действует на нее разрушительно. Разъедает, как кислота, ее мозг и способность соображать. А еще всю ее гордость.

– Здесь она какая-то особенная?

– Здесь, – он выделил это слово, – она важна.

В груди стало горячо, а во рту сухо. Внутри как будто извергался вулкан, который выжигал весь кислород из легких и наполнял рот пеплом.

Ей слишком тяжело было говорить о брачной ночи. Тем более с ним. И не тогда, когда его женой должна стать принцесса. Олеся понятия не имела, как он сможет отказаться от этой свадьбы. Власть короля представлялась ей чем-то неоспоримым. Как Габор сможет избежать свадьбы, если ему прикажут?

Олеся старалась не сводить глаз с покрытых снегом деревьев.

– Так какое из Страшилищ сделал ты? Где оно висит?

– Зачем тебе?

– Я же уже сказала: интересно, что ты придумал, чтобы предостеречь крестьян.

– Я делал их только в детстве. Тогда мне казалось, что я смастерил самое отвратительное Страшилище и ни один

человек не сможет пройти мимо него.

– А сейчас?

Габор хмыкнул:

– Мне тогда было... лет пять. Что я могу думать об этом сейчас?

Олеся представила маленького Габора, усердно мастерающего жуткое существо. Наверное, он был очень старательным ребенком. Уже тогда осознающим, какая ответственность на нем лежит.

– Почти приехали. Спускаемся.

Олеся огляделась и потрясенно открыла рот. Деревья стояли почти непроходимой стеной. Среди них едва мог протиснуться человек. Но удивительным было не это. В этой живой стене была брешь – выложенные из камня ворота. Большие и маленькие булыжники были плотно подогнаны друг к другу, словно их только вчера сложили. Сверху лежала перекладка – каменный монолит. С одной стороны он оказался шире, чем с другой. Похоже, его даже не обрабатывали. Несмотря на сгустившуюся темноту, Олеся разглядела выбитый барельеф: дракона и ворона, которые смотрели друг на друга с разных концов.

– Что это?

– Ворота Крампуса. Дальше идем пешком. Там не проехать.

Габор спрыгнул в снег и потянулся к Олеся, чтобы помочь.

– Постой! Разве... разве мы не к Бражене собирались?

– Мы к ней и идем. – Его голос звучал как ни в чем не бывало.

– Хочешь сказать, что она живет... рядом с Крампусом?

– Ворота Крампуса еще не означают, что он где-то рядом.

– Тогда почему они так названы?

На лице Габора вновь появилось нечитаемое выражение.

– Ты задаешь слишком много вопросов. Идем, времени мало. Темнеет быстро.

Габор спустил ее с коня, обвязал поводья вокруг одного из деревьев и взял Олесю за руку. Другая его рука сжалась на рукояти сабли. Он несколько раз огляделся, нахмурившись так сильно, что между бровей залегли глубокие морщины.

Вдвоем они прошли через ворота, погружаясь в еще более мрачную темноту. Здесь было оглушающе тихо – только снег скрипел под ногами. Тяжелое дыхание вырывалось облачком пара изо рта.

Габор вел Олесю по одной ему ведомой тропинке среди плотных почти непроходимых зарослей деревьев и колючих кустарников. Пару раз Олеся поранила руки об острые, покрытые льдом ветки. Иногда между стволов приходилось протискиваться боком, словно сами деревья препятствовали тому, чтобы люди шли дальше.

На языке вертелась тысяча вопросов, но она не решалась задать ни один. Казалось, что даже слово, сказанное шепотом, может накликать беду. Вера в Крампуса и страх перед ним просачивались в душу и разум.

Под ногами скрипел снег, и этот обычно праздничный и радостный звук сейчас царапал нервы наждачной бумагой. Каждый шаг сопровождался жутким скрежетом, не сулящим ничего хорошего. Олеся даже не осознавала, как крепко сжимает руку Габора, пока собственные пальцы не начали болеть.

Напряжение стало настолько велико, что она не выдержала:

– А ты видел когда-нибудь Крампуса?

Габор посмотрел на нее ничего не выражающим взглядом. Сначала просто молчал, а потом отрывисто произнес:

– Да.

Он бережно подхватил Олеся на руки и перенес через огромный сугроб.

Она почувствовала, как жар затапливает щеки.

– Я могла бы и сама...

– Т-с-с... Я делаю то, что хочу и считаю нужным.

Он осторожно поставил ее на ноги и осмотрелся, сурово сдвинув брови. Олеся тоже огляделась. Они оказались среди руин. Видимо, когда-то здесь был еще один замок. Олеся расчистила подошвой снег. Под ним обнаружились неровные каменные плиты, выщербленные и потрескавшиеся. Сквозь них пробивалась пожухшая трава. Должно быть, этим развалинам невероятно много лет, если травинки смогли разрушить камень.

Олеся рассмотрела припорошенные снегом колонны и ча-

шу фонтана. Она подошла ближе и стряхнула холодный снег. Чаша была украшена барельефом. Олеся смогла рассмотреть грубые примитивные изображения страшных физиономий. Чем-то напоминало маски греческого театра. Только с рогами. И жуткими осками.

Олеся коснулась холодной шершавой поверхности. Мурашки пролетели по коже. Обжигающее прикосновение Габора оказалось почти пыткой. Он отвел ее руку и сжал дрожащие пальцы.

– Идем скорее. – Его голос звучал низко и хрипло. Олеся знала, что таким он становится, когда Габор напряжен.

– Что-то... не так? – Она все еще говорила шепотом, боясь потревожить притаившуюся за каждой тенью опасность.

Габор кивнул на землю.

– Этих следов здесь быть не должно.

Олеся посмотрела в указанном направлении. Кое-где на плитах серели следы длинных когтистых лап. Выглядело жутко. Снег едва скрыл их, контуры казались размазанными, и от этого становилось только страшнее. Можно справиться со страхом перед оружием, перед убийцей. Но когда угрожает нечто сверхъестественное, нечто такое, чего ты даже не видишь и не можешь представить...

– Это... это демоны? – Олеся с трудом произнесла слово, которое теперь обрело четкий и пугающий смысл.

– Да. – Габор потащил ее за собой.

– Они где-то рядом? – Она всматривалась в лесную чащу,

которая казалась еще более страшной.

– Нет. – Габор повел ее за собой, в самое сердце дремучей чащи. – Следы припорошены снегом. Равномерно. Значит, демоны не пытались их замести. Скорее всего, эти были неразумные. Они могли проходить здесь вчера ночью. Как раз шел снег.

Габор легко перемахнул через поваленное дерево, в очередной раз поразив Олесю своей ловкостью и силой. Грацией дикого хищника. Он вновь обвил ее талию рукой и без особых усилий перенес через ствол. Олеся не удержалась и прижалась к его сильному телу, но тут же отстранилась. Так легко она начала привыкать к ощущению его сильного плеча рядом. И даже непонятное и порой пугающее поведение Габора не останавливало ее душу от падения в пропасть.

Олеся на секунду прикрыла глаза. А когда открыла, встретила с удивительным взглядом господаря. Ледяные глаза Габора мерцали в угнетающем сумраке и казались двумя блуждающими огоньками, готовыми заманить наивного путника в омут. Ее уже заманили. Олеся поняла, что готова прыгнуть в этот омут с головой. Погрузиться в него, зная, что спасения не будет. Но хоть раз в жизни почувствовать себя счастливой... Хоть раз в жизни быть с настоящим мужчиной... Нет, не просто с мужчиной – с *ним*. Габор был идеалом. Совершенным. Он говорил ей жутко унижительные речи, намекал на пропасть между ними, но даже после этого она продолжала его желать.

Пусть потом ее сердце будет окончательно разбито, и не останется никакой надежды получить этого мужчину, но сейчас... сейчас она воспользуется каждой доступной секундой рядом с ним. Послушно возьмет все, что он ей даст. Забудет про гордость и отдастся ему без остатка. Лишь бы получить его себе хоть на краткий миг. Окунуться в иллюзию, что все у них будет волшебю.

Габор повел ее за собой, и Олесе пришлось вынырнуть из неподъемного вороха мыслей. Они оказались на узкой тропе, по обеим сторонам которой высились гигантские сосны. Олесе посмотрела вверх. Деревья-великаны выглядели... странно. Они изгибались дугами, макушки нависали над тропой, едва ли не сцепляясь с деревьями напротив.

И до сих пор, в этой пугающей чаще, встречались осыпающиеся руины. Плотно стоящие ели разрушали небольшую башенку, очертания которой Олесе разглядела во мраке чащобы.

А ведь в сказках все жуткие вещи происходили именно в таких вот лесах. И сейчас Олесе, как никогда, верила в люодоедку Бабу Ягу и пряничный домик, найденный Гензелем и Гретель.

Олесе не смогла сдержать нервный смешок.

– Что случилось?

– Ничего. Просто... вспомнила одну сказку...

– Какую? – Габор сосредоточенно всматривался в заросли.

Олеся закусила губу, когда он достал из ножен саблю. Дело плохо... А что, если они сейчас наткнутся на демона? Олеся заворуженно смотрела, как по гладкому лезвию скользит хищный блеск. Словно оружие жаждало крови.

– Так какую сказку ты вспомнила? – Габор пристально смотрел на нее.

Олеся поежилась:

– О Гензеле и Гретель.

– Кто это такие? – Кажется, он пытался ее отвлечь.

– Брат с сестрой. Мачеха их не любила и уговорила мужа отвести детей в лес и там оставить. Он так и сделал. Дети бродили по лесу, пока не наткнулись на пряничный домик. Он весь состоял из леденцов, крема и конфет. Дети были очень голодны и начали откусывать от домика. Тут-то ведьма их и схватила. Она хотела съесть Гензеля, а Гретель держала в качестве служанки. Но дети перехитрили ее, сожгли в печи и вернулись домой.

Габор усмехнулся:

– Ну и сказочки в твоём мире. И как дети после них засыпают? С кошмарами?

– Эта сказка ничем не хуже той, что ты рассказывал мне о Крампусе.

– Истории о Крампусе нужны для того, чтобы предупреждать людей об опасности. А в твоём мире даже ведьм нет. Кстати, почему она хотела съесть ребенка?

Олеся задумалась, неожиданно осознавая, что даже вещи,

имеющие одинаковые названия в их мирах, по сути, являются чем-то совершенно разным.

– В моем мире... когда люди еще верили в ведьм, они считали, что те едят людей.

Габор выразительно поднял брови и хмыкнул:

– Только не говори этого Бражене.

Олеся указала на каменные развалины, сквозь которые проросло дерево:

– Что это за руины?

Взгляд Габора потемнел. Он неохотно бросил:

– Много веков назад моя крепость была больше.

– Что случилось?

Габор резко дернул ее за руку, таща за собой. Его голос снова звучал зло и отрывисто:

– Разве ты не заметила? Все пришло в запустение.

– Не хочешь мне говорить? Опять какая-то великая тайна?

Он обернулся и вонзил в Олеся свой непостижимый взгляд, от которого ей стало и страшно, и жарко.

– Умнеешь прямо на глазах, иномирянка.

Олеся сжала челюсти и надула губы:

– Не называй меня так.

На этот раз он даже не посмотрел на нее:

– Приказываю здесь я. А все остальные подчиняются. И ты в том числе. То, что мы спали, не выделяет тебя среди остальных.

Его слова как ржавые крючья вонзились в живот и под ребра. Невидимая рука рванула их вверх, сдирая кожу и разрывая ее на кровавые куски.

– А ночью ты мне говорил совсем другие слова. – Олеся ненавидела себя за то, как дрожал голос.

– Ночью ты была послушной и покорной и вела себя так, как и подобает себя вести со своим господарем.

Олеся выдернула ладонь из его хватки и остановилась:

– Но ты не мой господарь.

Он все-таки обернулся и снова взял ее за руку. По губам зазмеилась опасная улыбка, в которой не было ни тепла, ни доброты. Только опасность.

– Ошибаешься. А знаешь почему? Потому что без меня ты не продержишься и дня здесь. Тебя либо обвинят в сговоре с демонами и убьют, даже не посмотрев на твое положение. Либо изнасилуют и... все равно убьют. Только я могу защитить тебя. И обеспечить тебе комфортную жизнь. Без трудностей и забот. Ну, иномирянка? Я все еще не твой господарь?

Олеся тяжело дышала, глядя в его красивое, но такое жестокое лицо. Холодный воздух выжигал душу.

На щеке Габора дернулся желвак. От него веяло угрозой. Мощью, опасностью и силой. Олесе стало не по себе. Она наедине с ним, далеко в лесу.

– Если ты до сих пор сомневаешься, то мы можем проверить. Сегодня же я вышвырну тебя из замка. На ту дорогу,

где тебя нашла Адрианна. В том, что на тебе было. И можешь отправляться на поиски старика, который бросил тебя под колеса кареты.

Олеся покачала головой:

– Ты – монстр...

– Когда я звал тебя замуж, ты сопротивлялась и отправляла меня к другой. Когда я предложил тебе вожденную свободу, вдруг стал монстром. – Он тихо рассмеялся. – Ты действительно лицемерка, Олеся.

Господи... Они просто ходят по кругу. В сотый раз. Как заколдованные. Как будто проклятье какое-то. Одно неверно сказанное слово, и все летит к чертям.

Олеся устало выдохнула:

– Когда ты сказал, что твоя душа принадлежит мне... я стала самой счастливой в мире. И в твоём, и в моём. – Она горько улыбнулась. – Я никогда не понимала девушек, добивающихся мужчин. Сражающихся за них. Потому что никогда не встречала кого-то хоть капельку похожего на тебя. Ты сказал мне столько ужасных и обидных слов сейчас, а я все равно думаю, как навечно пришить тебя к себе. Единственное, чего я хочу, – стать твоей женой. Чтобы ты был только моим. Мне кажется... кажется, что ради тебя я даже способна на убийство этой проклятой принцессы. Наверное, это все сумасшествие Маргит... Передалось и мне. – Олеся сглотнула ком в горле. – Но король... В моём мире правителям могли противостоять совсем немногие. Им ничего не стоило

отдать приказ об убийстве собственной семьи.

Габор навис над нею, коснулся подбородка, ласково его погладил. Обхватил Олесю за плечи и притянул к себе:

– Я из тех немногих, которые могут противостоять королям.

Олеся погладила ладонью его шершавую щеку. Кожа оказалась удивительно горячей, как если бы его сжигала лихорадка.

– Ты правда отправил бы меня на ту дорогу?

Габор наклонился еще ниже. Пристально посмотрел ей в глаза. Его губы замерли напротив ее губ, опалая обжигающе-влажным дыханием:

– Да... раздел бы тебя до нижней сорочки и завел бы глубоко в лес. И если бы ты захотела выбраться оттуда, тебе пришлось бы уговорить меня...

Олеся не удержалась – подалась к Габору, словно споткнувшись. Ее словно магнитом потянуло к нему. Слова, которые он говорил, возбуждали и будоражили кровь. Он обещал ей нечто большее, чем страсть и секс. Олеся чувствовала в нем темную сторону. Того самого господаря, которого так боялась Адрианна и которому так стремились любой ценой угодить крестьяне.

Олеся совершенно его не знала. Но готова была подчиниться, потому что даже эта тьма в нем ее невообразимо притягивала.

Неожиданно что-то громко хрустнуло. Олеся вздрогнула,

а Габор молниеносно обернулся. От высокой ели отломилась ветка и упала в снег.

Габор наклонился и поднял толстый, шириной в руку, сук. Несколько секунд он въедался глазами в разлом, а затем отшвырнул в сторону и почти по-звериному оскалился.

Олеся схватила Габора за локоть:

– Что не так?

– Кто-то ее сломал.

– Она... она не могла сломаться под тяжестью снега?

– Нет. Разлом другой.

Олеся ожидала новой волны страха, но ощутила совсем другое. Она поразилась тому, сколько всего он знает. В ее мире такими навыками могли похвастать разве что охотники.

Габор задвинул ее себе за спину и тихо приказал:

– Не высовывайся, что бы ни увидела.

Олеся кивнула, глядя в его спину, чувствуя, как страх подступает ближе.

Он свернул с тропы, ныряя в темный омут леса. Олеся разглядела среди намертво сцепившихся ветвей несколько жутких рогатых Страшилищ. Огромные выпученные глаза следили за ней. А свисающие из пастей языки колыхались. Наверное, от ветра. Они ведь не могли быть живыми?

Олесю начало трясти. Она едва не вскрикнула, когда встретилась с оцепеневшим взглядом. Почерневшая от времени и сырости деревянная маска торчала из дупла. Ее об-

рамляли седые сваявшиеся космы. Два длинных острых рога устремлялись вверх. С еще двух, толстых и изогнутых, свисала замерзшая паутина. Из пасти вываливался длинный раздвоенный язык. Белая краска на белках глаз потрескалась, но от этого взгляд Страшилища казался живым. Красные радужки и черные кругляши зрачков смотрели в самую душу.

Олесю била дрожь. Во рту ощущался вкус горечи. Она хотела отвернуться и не могла. Потому что... потому что Страшилище все равно следило бы за ней, притаившись в дупле. Оно знало ее секреты. Оно знало наперед, какой шаг она сделает. И если она отвернется, оно нападет...

– Олесья, приди в себя! – Габор схватил ее за руку. – Не смотри на них!

Олесья сфокусировала взгляд на его лице. Кажется, она сходит с ума. Боже, только не это. Подул ветер, но казалось, что кто-то лающе смеется в давящей тишине леса. Оскал Страшилища стал шире. Оно улыбалось, глядя на ее испуг.

Габор дал ей пощечину. Щеку обожгло болью, а в легкие хлынул колючий морозный воздух. Пахло сыростью и чем-то прелым.

Габор впился в нее серо-голубым взглядом. В радужках опять мерцали завораживающие вихри:

– Смотри. Только. На. Меня. Слышишь?

Олесья судорожно кивнула, сглотнув горечь и ком страха в горле.

Габор осмотрелся:

– Он был здесь... Ты ему нужна. А я, идиот, привел тебя в его лапы. Идем обратно.

Сквозь туман в голове до Олеси дошел смысл его слов. Она тут же вцепилась в плащ Габора:

– Нет! Мы должны попасть к Бражене. Это... это очень важно. У меня такое чувство... предчувствие... не знаю! Но мне кажется, мы должны там быть. Пожалуйста...

Габор сжал челюсти так сильно, что кожа натянулась на лице, обрисовывая скулы. Он вдруг стал похожим на... Олеся не дала себе додумать эту мысль.

– Я просто не ожидала, что... что все будет настолько реально. Но я справлюсь. Не буду тебя отвлекать.

Ноздри Габора гневно раздулись:

– Ты не понимаешь... Крампус знает о тебе. Демон в замке, следы в обители, ветка... Они где-то рядом.

– Бражена ведь что-то знает? О том, что со мной случилось и почему я здесь. Мы проделали такой путь, Габор. Ты сам сказал, что защитишь меня. Мы не можем бросить все на полпути.

Габор покачал головой. На щеках вновь проступили желваки.

– Надеюсь, я не пожалею об этом. Не выходи из-за моей спины и... держись за меня. Не отпускай.

Олеся быстро закивала. Стараясь больше не глядеть на Страшилище, она вцепилась пальцами в плащ Габора и уста-

вилась в его затылок. В сумраке лесной чащи его волосы приобрели невероятный оттенок. Седые прядки отливали серебристо-голубым. Он казался частью этого леса. Его хозяином. Повелителем.

Олеся врезалась в Габора, когда он внезапно остановился. Она осторожно выглянула из-за его спины и тихонько выдохнула от удивления.

Что ж, она нашла свой «пряничный домик». Невысокий, словно расползающееся во все стороны безе. Он выглядел как сваленная груда камней. Неровные, они лежали друг на друге, непонятно как удерживаясь вместе. Каменная печь, пристроенная снаружи, наверняка сжарила не одного неосторожного Гензеля. Под крышей чернело круглое чердачное окошко.

Дом казался давно покинутым и брошенным. С трубы, подвешенные за лапки, свисали несколько черных воронов. Олеся сжала плащ Габора еще сильнее. Ткань едва ли не затрещала под пальцами. Может, это просто чучела птиц?

Габор что-то тихо отрывисто сказал. Олеся распознала злость и гнев в его голосе. Его спина напряглась, натягивая ткань плаща. Олеся не сразу заметила, что во второй руке у него появилась та жуткая цепь с крюком.

Что-то происходило. Что-то, что заставило его достать свое пугающее оружие. Вот только Олеся никак не могла понять, что именно.

Едва слышно она спросила:

– Там ведь должен гореть свет?

Габор хрипло и низко ответил:

– Там не должно быть крови. И следов.

Крови? В лесной тени она даже не разглядела... Олеся посмотрела на снег. Он весь был утоптан следами. Слишком длинными, чтобы принадлежать человеку, и слишком звериными. Глубокие провалы когтей и отсутствие пальцев. А у самого дома на синем от сгущающейся тьмы снегу эти следы оказались алыми.

Глава 4

Габор ненавидел себя. Он допустил самую худшую ошибку из тех, какие мог совершить, – привел Олесю сюда.

Какого демона он согласился?! Почему уступил там, где должен был оставаться непреклонным. Его слово – закон. Во всем и всегда. Но с ней... С ней все летело в демонскую пропасть. С ней он не мог себя контролировать: мечтал то свернуть ей шею, чтобы больше не мучила, то прижать к ближайшему дереву и насадить на себя.

Всю дорогу до Бражены его раздирало на части. Такое впечатление, демоны все-таки добрались до него и теперь вгрызались зубами и глодали кости.

Олеся... Она стала его проклятием. Он просто не мог сдерживаться. Почему она сомневалась в нем? Почему не хотела признать его силу? А когда все же сделала это и сказала те слова... Он едва сдержался. Это было подобно буре. Только не снежной, а огненной. Горячей волной ее опрометчивых признаний его сносило с ног.

А он был уверен, что они именно опрометчивые. Она наверняка еще не раз пожалеет о своих словах. Потому что его мир был слишком чужд для нее. И Габор испытывал почти физическую боль из-за этого. Из-за ее желания вернуться домой.

Только вот он ее никуда не отпустит. Он за двоих будет

бороться за их будущее. И если придется посадить ее на цепь и приковать к кровати, то он так и сделает. Ей дано выбрать: быть его женой или его пленницей. Его рабыней.

Мысль об Олесе в этой роли возбуждала до горячей испарины. Посреди холодного мрачного леса его жгло раскаленным металлом от фантазий о ней. Ведь вчера она так сладко изображала из себя покорную наложницу... Он почти поверил в то, что она больше не будет ни в чем сомневаться.

Хуже всего было то, что его одолевали не только физические желания. Он ненавидел себя, но признал, что мог бы взять ее даже силой, если бы она отказала. Хуже всего было то, что он действительно хотел жизни с ней. Видел ее хозяйкой крепости. И всерьез думал, что покажет ей в Ибранье в первую очередь, какие развлечения будут ей доступны, какие драгоценности и одежды он бросит к ее ногам. Он планировал их жизнь. И ведь видел все так четко и ясно, что казалось это не мечты о будущем, а нечто реальное.

Он так хотел увидеть ее в серьгах, которые заказал, и в новых платьях, сшитых специально для нее. Но увидев в мужской одежде, едва не кончил от одного только зрелища обтянутых мягкой кожей бедер. Ни одна женщина не действовала на него подобным образом. Ни к одной он не испытывал такого желания обладать. Сделать своей. Навечно привязать к себе.

Он хотел... хотел, чтобы она была слабой с ним. Чтобы нуждалась в его защите. Чтобы признала своим господарем

и даже не думала, что теперь что-то может быть иначе. Разве это так ужасно: принадлежать ему?

Он может дать ей все. А она сомневается...

Габор пытался понять ее страхи и сомнения. Нелегко забыть о том, как с ней поступила собственная мать, как дважды предал отец, как изменил муж.

Но он выходил из себя, стоило подумать, что она могла сравнить его с ними. Он просто не знал, что еще сказать или сделать, чтобы она наконец поняла. Наверное, именно поэтому он намеренно унизил ее. Пусть думает, что без него ей здесь не выжить. Пусть думает, что обязана ему всем. Пусть считает себя пленницей и потеряет всякую надежду на то, что сможет сбежать от него в свой мир.

Этим неконтролируемым желанием он едва все не разрушил. Когда она призналась, что хочет за него замуж и даже готова убить принцессу... В этот момент вены лопнули, и кровь затопила все нутро. Обжигающая, горячая, вскипающая от одной мысли, что она равнодушна к нему. Что он для нее кто-то гораздо больший, чем просто защитник. Он ее мужчина.

В тот момент, когда она сказала, что ей интересно, какое из Страшилищ придумал он, Габор понял, что сходит с ума. От желания обладать ею. От необходимости удержать ее рядом. На всю жизнь. Потому что больше такой, как она, нет и не будет.

Его подарок. Его награда за годы одиночества. Он был

окружен людьми, толпой людей, но всегда один. Он привык к этому. Меньше предателей. Никто не мог подобраться к нему достаточно близко, чтобы нанести удар. Никто, кроме Олеси.

А он привел ее сюда. И это после признания демона, что Крампус желает ее получить.

Габор уже знал, что обнаружит в доме Бражены. Еще с того момента, как увидел следы демонов. Именно тогда нужно было повернуть обратно. Нужно было. Но поздно. Старая ведьма выяснила что-то такое, из-за чего демоны всполошились. Или же... или она специально заманила их с Олесей в ловушку. Но ведь он и сам не знал, что возьмет ее с собой и до последнего сомневался. Западня предназначалась только для него?

Нет... Тут что-то не то. Пробравшийся в замок демон сказал, что Крампусу нужна Олеся. Она – причина всего происходящего. И он должен как можно скорее выяснить, что хитрые твари задумывают.

Габор обернулся к Олесе. Она пыталась скрыть дрожь, но было слышно, как стучат ее зубы. Он снова почувствовал вину за то, что привел ее сюда. Оставалось лишь надеяться, что, сделав свое дело, демоны ушли. Судя по формам и размерам лап, их было трое. С этим количеством он сможет справиться. Но вступать в бой – последнее, что Габору сейчас было нужно. Не тогда, когда он затащил Олеся в самую чашу.

Так хотелось ее обнять и поцеловать. Согреть ее холодные посиневшие губы своими – Габор был уверен, что весь горит в демонском огне. Этого жара хватит, чтобы они оба долго сгорали. Но не на костре. А в их постели. Или в любом другом месте, до которого хватит терпения добраться.

Вместо поцелуя он лишь тихо приказал:

– Успокойся. В доме их нет. Идем.

Она кивнула и тут же перевела взгляд на кровавые следы.

Они быстро пересекли поляну. Габор остановился рядом с грубой деревянной дверью. Она была сколочена из нескольких досок, разошедшихся от времени и сырости. В огромных щелях зияла пустота. И тьма, которая выползала наружу. Впервые дом Бражены встречал его так. Обычно в печи у ведьмы горел огонь, из трубы вырывался столб то белого, то черного дыма, а в единственном окне мелькали тени.

Габор поддел кончиком сабли ржавое дверное кольцо. Его покрывали замерзшие сгустки бордовой крови. К ним прилипли волоски шерсти.

На самой двери алели длинные алые мазки. Почти вся она была исполосована следами когтей. Бражена пыталась защититься. Но вряд ли ей это удалось.

Габор потянул саблей кольцо, и дверь, тихо скрипнув, неохотно отворилась. Наружу вырвался спертый запах. Приторный и горьковатый – так пахнут засушенные травы и цветы. А еще немного металлический – как кровь. К ним прилеживался стойкий запах воска.

Габор открыл дверь шире и, пригнувшись, вошел внутрь. Олеся шагнула за ним, как ребенок вцепившись в его плащ. Этот жест доверия разлил внутри горячее масло. Она училась доверять ему, полагаться на него. Неужели так сложно забыть о проблемах и заботах, предоставив разбираться с ними тому, кто может?! Ничего, постепенно она научится и привыкнет.

Габор заставил себя на время отвлечься от этих мыслей, спрятал их в потайной комнате своего разума, куда никому не было хода. Об Олесе он будет думать потом. Сейчас нужно сосредоточиться. Он должен собраться. Забыть обо всем, что может отвлечь. Но как забыть об Олесе? Как не отвлекаться на ее присутствие рядом?

Сквозь спертый воздух пробивался ее свежий запах. Едва уловимый аромат волос и кожи. Она пахла потрясающе. И здесь, в самом эпицентре опасности, этот аромат проникал Габору глубоко в душу, превращая в наркомана и отвлекая от того, что он должен сделать.

Скудный свет из грязного квадратного окна осветил единственную комнату. Печь с заслонкой, подвешенные к потолочным балкам пучки трав, пузырьки и склянки, птичьи перья и белые кости. Но больше всего здесь было свечей. Толстые и тонкие. Высокие и низкие. Они стояли на полках, на столе, на книгах и на полу. Оплавленный воск застыл причудливыми фигурами.

Олеся едва слышно прошептала за спиной:

– Где Бражена? Она... куда-то ушла?

Габор принялся, пытаясь определить, откуда сильнее всего разило кровью. На дощатом полу белели вмятины от демонских когтей. Странно, что здесь почти ничего не тронуто. Никаких следов борьбы.

На столе все так же лежали стопки толстых книг, стояли ступки с вонючими смесями и свечи. Ничего не изменилось с того раза, когда он здесь был.

– Нет. Она здесь. – И, кажется, он даже знал, где именно. Габор обернулся к Олесе и прижал ее к стене.

– Стой тут и не ходи за мной.

Ее глаза расширились от страха, когда она поймала его взгляд, и Габор быстро моргнул. Проклятье! Иногда было трудно это контролировать. Чем старше он становился, тем меньших усилий требовалось, но рядом с Олесей... Рядом с ней он терял способность сдерживаться и не мог обуздать отравленную кровь, копившуюся в нем веками.

Отстраняясь, Габор снова повторил:

– Стой. Тут.

Он отвернулся от Олеси, ощущая что-то странное: как будто даже не смотреть на нее было больно. Каждая секунда, когда он не знал, что с ней, превращалась в пытку. Такая зависимость пугала. Это не было чем-то прекрасным, о чем так любит писать поэты, рассчитывая побольше продать своих сказочек наивным девушкам. Это ощущалось... ужасно. Габор обошел стол, следуя за царапинами на скрипучем полу.

Заслонка печи оказалась приоткрыта, на каменной кладке темнел кровоподтек. Он опоздал. Опоздал и сам сделал шаг в расставленный капкан. И привел сюда Олеся.

Габор осторожно отодвинул саблей ржавую заслонку. Из покрытого золой углубления на него смотрели остекленевшие глаза Бражены. Ее голова была отгрызена. На обрывках шеи запеклась кровь. Она же покрывала седые слипшиеся космы. Рот навсегда застыл в крике. Вывалившийся язык почернел от золы. Морщины обозначились глубокими бороздами. Ее лицо походило на деревянную маску Крампуса.

Позади послышался шорох, скрипнула доска. Он резко обернулся, подгоняемый мыслью, что демон сумел застать его врасплох. Но за спиной стояла Олеся.

Габор дернулся, загораживая собой нутро печи, вот только Олеся успела разглядеть. Она побледнела и покачнулась. Проклиная себя за очередную ошибку, он бросился к ней, подхватил, прижал к себе. Олеся уперлась ладонями в его плечи. Расширившимися от ужаса глазами она смотрела то на него, то на печь.

– Она... мертва... Мертва?... Кто ее убил?

Габор чувствовал, как она дрожит. Дрожь маленького хрупкого тела причиняла ему боль. Он отодвинул грубо сложенный стул, смахнул с него стопку книг и усадил Олеся.

– Ты должна взять себя в руки, слышишь? Сейчас ты нужна мне сильной и спокойной. Продержись до дома...

Олеся кивнула, закусив губу, а Габора вдруг понял... Он

впервые за много лет назвал крепость домом. Эта мысль ошеломила его больше, чем все происходящее.

Они оказались вдвоем, в самой чаще леса, в заброшенной хижине, а он думает о том, что только сейчас смог произнести это слово. Замок всегда его пугал. Давил. Да, он его любил – как свидетельство силы его рода, многовековой власти, богатств, надежности. Но не как дом. И только сейчас груда камней становилась важной и значимой. Причиной была Олеся. Там он мог спрятать ее ото всех бед. Там он мог ее защитить. Там он мог ее любить и владеть ею вечно. Неожиданно пришла и другая мысль: дом будет везде, где будет она.

В загадочной иномирянке было нечто, что делало его слабым, зависимым от нее. Но лучше об этом не думать. Не сейчас. Потом он изобретет какую-нибудь отговорку, наврет себе, что его покорила секс с ней, и будет спокойно жить дальше. Но сейчас нужно собраться.

Олеся повернула голову, чтобы снова взглянуть на печь, но Габор сжал ее подбородок, не давая пошевелиться.

– Не нужно туда смотреть.

– Это ведь сделали демоны? – От страха в ее голосе Габору захотелось что-нибудь сломать.

Так же она говорила, что была самой счастливой женщиной. И таким же голосом рассказывала о своей жизни в другом мире. Габор научился распознавать оттенки ее тона. Сейчас Олеся было не только страшно. Ей было больно.

– Да. – Он выпрямился и огляделся. – Наверное, она вы-

яснила что-то важное.

— Важное? Она ведь должна была узнать, что со мной происходит. Как я оказалась здесь?! Выходит, ее убили из-за меня?!

Проклятье! Когда не нужно было, она соображала слишком быстро.

— Нет, не из-за тебя. Не смей так думать.

— Но...

— Олеся! — Габор раздраженно пнул свечи, устроившиеся на полу.

Он должен ей сказать. Хотя бы часть правды. Она наверняка рано или поздно сама все узнает. Лучше, чтобы узнала от него, а не от посторонних. Недомолвки и обман разрушили и так не очень счастливый брак его родителей. Он не хотел, чтобы то же самое произошло и у них с Олесей. Она не простит ему. А он не сможет ее отпустить. Они станут врагами, между которыми останется только ненависть. Он уже знал, как это будет. Олеся будет сопротивляться ему и отталкивать, а он, слишком погрязший в ней, не сможет держаться от нее в стороне. Там, где была их общая на двоих страсть, останется только насилие. Это будет хуже всех мук и всех пыток.

Только часть правды. Необходимая часть, которая сохранит их шаткое равновесие. Она никогда не узнает о его обмане.

Габор успокоился и взял себя в руки. Холод наконец про-

ник в голову, очищая разум. Он наклонился, поднял с пола свечи и зажег их. Зажег почти все, которые увидел, чтобы прогнать ужас и смерть, чтобы Олеся почувствовала себя защищенной. Но золотистый свет не успокаивал. Наоборот – он высветил все тени, которые следили за ними из грязных, опутанных паутиной углов.

– Ты говорила, что в твоём мире ведьмы существуют только в сказках, что они вредят людям и... едят детей. В моём мире все не так. Люди боятся ведьм. Адрианна, например, всегда пыталась куда-нибудь спрятаться, если Бражена приходила в замок. Но ведьм и уважают. Потому что они... они кто-то вроде посредников.

Олеся куталась в его плащ, выглядя такой маленькой и беззащитной. В горле встал ком нежности. Он обязан ее защитить. Обязан.

Она вдруг начала вырисовывать пальцем узоры на пыльном столе. Нахмутив брови, неуверенно переспросила:

– Посредников?

– Да. Между людьми и демонами.

Ее голубые глаза стали ярче. Они удивленно расширились, а рот соблазнительно приоткрылся. Габор снова проклял себя. В такой момент он думает о том, для чего созданы ее губы. Сумасшествие какое-то.

– Зачем людям и демонам посредник?

А вот это уже опасный вопрос. Он был почти уверен, что Олеся не поверит ни единому слову лжи, которой веками

он и ему подобные пичкали народ Бергандии. Лжи, которая скрывала постыдную правду. И именно эту правду Олеся никогда не должна узнать.

Габор еще никогда так тщательно не подбирал слова. Обычно он молчал, давая возможность другим закапывать себя ворохом лжи. А теперь сам оказался в плену тысячи грязных секретов.

– Когда-то демоны раскрыли ведьмам многие из своих секретов.

– Зачем?

На секунду Габор замялся:

– Никто не знает. Возможно, чтобы ведьмы совращали тех, кто хочет заключить сделку.

Олеся вскочила со стула. В тесном пространстве дома она остановилась напротив. Их разделяли какие-то сантиметры, жалких полшага. Протяни он руку, и сможет коснуться ее, скинуть с головы капюшон и зарыться пальцами в шелковистые волосы. Намотать на кулак. Притянуть к себе.

Он не должен был привозить ее сюда.

– Я же вижу, что ты мне врешь. Никто, может, и не знает, но тебе известно. Так?

Габор сжал челюсти. Почему она не может довольствоваться тем, что он ей говорит? Почему ей необходимо ворошить грязные подробности прошлого?

Он знал, как ее остановить, и ненавидел себя за то, что собирался сделать.

– То, что мы с тобой спим, не значит, что ты меня знаешь.

Она снова отшатнулась от него. На лице застыла обида. Олесья совсем не умела скрывать своих чувств, и это его привлекало. Но это же делало ее уязвимой. Ее уязвимостью он и воспользовался. Намеренно обидел, лишь бы скрыть грехи своей семьи. Свои собственные грехи. Самым худшим было то, что ему придется и дальше ее обижать, потому что он не собирался ничего рассказывать. Но и не думал отпускать. Он прогнал насквозь. Он уже таким родился. Гнилым и испорченным. Виновата ли в этом кровь, или воспитание, или весь их род... Вопрос, на который он точно не знал ответа.

Губы Олеси дрожали. Она смотрела на него с ненавистью и болью.

– Возможно, принцесса тебе будет лучшей женой, чем я.

Почему-то он забыл, что она тоже может ранить словами.

– Значит, тебя больше привлекает роль моей любовницы?

– Я говорила, что меня привлекает. Больше повторять не буду. Тебе нравится меня унижать... Скажи, а те другие, с которыми ты спал, им тоже приходилось терпеть такие унижения?

Нет, совсем не Маргит была сумасшедшей в их роду. Сумасшествие одолело его. Когда увидел Олесю, выскочившую на его саблю.

– Им приходилось терпеть все, что я говорил. И они делали это с радостью.

Горячая пощечина обожгла щеку. Ледяная ладонь Олеси

не могла причинить ему боли, но больно все-таки было. Душе. Сердцу. В существовании которых он уже давно сомневался.

Она даже не узнает, что он говорил все это, чтобы ее защитить.

– Тогда мне жаль тебя. – Губы Олеси презрительно изогнулись, а ему захотелось впиться в них грубым голодным поцелуем. Выжечь на них свое имя. – Хотя кто-то делал для великого господаря что-то искренне?

О да. Она попала по самому больному. Он всегда был окружен фальшью и ложью. Вся жизнь пропитана враньем. Но ей он открылся. Позволил узнать себя настоящего, показал ей свою жизнь. А теперь она превращает его откровенность в оружие и использует против него.

Но разве не то же самое делал он?

Габор не удержал признание. Оно вырвалось быстрее, чем он успел сообразить, что собирается сказать. Мысль даже не оформилась в слова – просто на каком-то инстинктивном уровне сорвалась с губ.

– Да. Ты.

В ее глазах вспыхнула и погасла надежда. Плечи напряглись. Габор ненавидел себя все больше. За то, что лишал ее выбора. И за то, что, даже осознавая это, он не собирался ее отпускать. Он обрекал ее на жизнь с монстром. Но Олеся была ему нужна. А он был слишком большим эгоистом, чтобы от нее отказаться.

Губы Олеси изогнулись в горькую улыбку. Она приоткрыла рот, собираясь что-то сказать. Габор опять заворуженно следил за каждым ее движением. Он не мог мыслить здраво рядом с ней. Желание обладать Олесей никак не унималось. Оно росло и с каждой секундой становилось больше. В душе расцветала жажда безумств. Он хотел чего-то дикого. Чего-то на грани. И чтобы Олеся была связана с ним по рукам и ногам. Без возможности вырваться. Мысль о том, чтобы связать ее, бросила в жар.

Словно издеваясь над ним, Олеся облизнула губы.

– Я не знаю, чего ты от меня хочешь... – Она неуверенно подалась ему навстречу, как будто пошатнулась.

Он не даст ей даже возможности думать, что теперь она свободна. Габор шагнул к ней и, сжав хрупкие худенькие плечи, притянул к себе.

– Я хочу, чтобы ты стала моей госпожой.

– Мне тебя не понять, Габор.

– Этого и не нужно... – Он провел пальцем по ее чуточку влажным теплым губам. – Просто будь со мной. Верь. И подчиняйся. У тебя будет все, что пожелаешь. Но в обмен ты должна принадлежать мне.

– Я не просила у тебя ничего, кроме тебя самого. – Ее ресницы дрогнули и печально опустились. В груди от ее слов стало больно и горячо. – Но ты не хочешь быть со мной честным...

Габор сжал зубы. Далась ей эта честность!

– Я честен с тобой в главном! Я верен тебе. И всегда буду. Все остальное...

Ему не дали договорить.

Громкий вой пронесся над окрестностями. И не звериный, и не человеческий, он распался на десятки голосов.

– Господи... Что это? – Олеся тихонько пискнула в его грудь.

Габор даже не осознавал, как крепко прижимает ее к себе – притянул и впечатал в свое тело, стремясь защитить и уберечь. Вой повторился. На этот раз он звучал ближе, перемежаясь с протяжным рычанием. Сиплые звуки доносились отовсюду.

Дом сотрясся от гулких ударов. С потолка посыпалась пыль и щепки. Крыша дрожала от ударов лап. Рычание стало громче. К нему прибавился остервенелый смех.

Демоны... Примитивные. Лишенные разума и умеющие лишь убивать, вгрызаясь в глотки жертв. Габор снова вытащил цепь и сжал саблю. Олеся неподвижно замерла, вцепившись в его одежду. Ее лицо побледнело, став белее снега, а пальцы дрожали. Габор огляделся, пытаясь придумать, куда лучше всего спрятать Олеся. Но уже знал ответ: некуда. В доме ведьмы не было других комнат, кроме этой.

Послышалось царапанье когтей. Олеся вскрикнула. В окне возникла морда демона. Грязная черная шерсть, на которой выделялись лишь белки глаз да длинный красный язык. Демон хохотал, срываясь на сиплое рычание.

Их загнали в ловушку. Как зверье. Провели, как детей. Габор быстро задвинул Олесю за спину. Ее можно спрятать только в доме. А значит, ему придется выйти наружу. Один демон пялится в окно, второй взобрался на крышу. С двумя он вполне справится. Но сколько их еще? Хватит ли ему силы?

Хватит. Он не отдаст этим тварям Олесю. Они пришли за ней. Она нужна Крампусу. А значит, в безопасности. Демоны сделают все, чтобы добраться до нее, но не навредят. Значит, он должен просто не подпустить их к ней.

– Габор... – Ее тихий голос дрожал от страха. Но Олеся снова его удивила: – Дай мне свое оружие...

Она с ужасом смотрела в окно, за которым глумился демон. Он хохотал, корчил рожи, облизывал острым треугольным языком стекло и манил когтистым пальцем Олесю к себе.

Его Габор убьет первым.

Он развернулся к Олесе и скинул с себя плащ:

– Сиди здесь и даже не вздумай высунуться наружу. Ты нужна им живой. – Если бы он еще был в этом так уверен, как говорил... – Они будут пытаться выманить тебя наружу. Не поддавайся. Что бы ни случилось, и что бы ты ни увидела, не выходи. Понятно?

– А как же ты? Ты что, собрался выйти?!

Она переживала за него, волновалась. И от этого стало до боли приятно, чем бы ни была вызвана ее тревога.

Демон за окном провел когтями по стеклу, рождая жуткий до одурения звук.

Габор взглянул в глаза Олеси, нарочно игнорируя ее вопрос. Голубые. Какие же они голубые. Она еще никогда не была так красива, как в этот момент. Как только вернутся в крепость, сразу же поженятся.

Если вернутся... О, нет. Он не отдаст ее никому. Ни больному садисту Миклошу, ни орде демонов, ни Крампусу. Пусть хоть сам приходит. Олесю ему не получить.

По крыше запрыгали. Дом снова начал трястись, словно сооруженный из картона, а не камня. В печной трубе послышался жуткий сиплый голос:

– Где же ты-ы-ы, наш-ш-ш-ша-а-а будущ-щ-щая гос-спо-жа-а-а? Твой с-с-супруг уже ждет... – Отраженный стенками звук вполз в дом. – Идем с-с-с нами... Отдайс-с-ся наш-ше-му гос-с-сподину... Подари ему лас-с-ску...

В трубе что-то зашелестело. Сквозь заслонку наружу вырвалось черное облако золы.

Габор быстро поднял с пола свечу, открыл заслонку и подпалил волосы на голове Бражены. Пламя с радостью схватилось за грязные космы. К разгорающемуся огню отправились несколько пучков трав. Огненные языки взвились вверх, в дымоход. Тут же раздалось болезненное взвизгивание, завоныло жженой шерстью. Когти заскрежетали по камням. Но звук удалялся.

Демон снова запрыгал на крыше, безостановочно вопя.

Тот, который кривлялся в окно, зарычал и со всего маху разбил тонкое стекло. Габор отшвырнул Олесю к противоположной стене, а сам бросился к демону, который пытался пролезть внутрь.

Взмах сабли, дикое рычание, и на пол шлепнулась отрубленная лапа. Демон заверещал, приходя в бешенство.

В проклятом доме было слишком мало места. Не развернуться. Габор вытащил нож и всадил демону в глаз. Алым фонтаном брызнула кровь.

Раздался оглушающий рев, и его подхватили десятки хриплых голосов.

Габор вытолкал извивающееся в судорогах тело из окна и быстро обернулся к Олесе.

– Бросай травы в очаг. Огонь не подпустит их.

Неожиданно она рванула к нему, и он едва успел убрать саблю. Тонкие пальцы накрыли ее плечи.

– Даже не вздумай туда идти. Я тебя не пущу.

Маленькая храбрая иномирянка. Он делает для нее все, лишь бы всегда смотрела на него, как сейчас.

Габор старался сохранить рассудок ясным, но внутри уже все клокотало. Он не отдаст ее никому. Даже если придется сдохнуть у порога этой хижины.

– Здесь я – господарь. И я сам решаю, что делать. А ты сидишь здесь и ждешь.

Олеся помотала головой.

– Не пущу!

Он оторвал ее руки от себя и вложил в холодную ладошку нож с длинным лезвием.

– Жди меня.

Она растерянно посмотрела сначала на нож в своих пальцах, а потом на Габора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.